

Giorgio Di Francesco

Mansour il profeta

La leggendaria storia
d'uno sceicco
piemontese del '700

biblioteca economica

PIEMONTE IN BANCARELLA - TORINO

В этой книге рассказывается правдивая история Джованни Баттиста Боэтти, родившегося 2 июня 1743 года в Пьяццано, Монферрато, подкрепленная работами нескольких историков. Это биография удивительного и экстравагантного человека, который, движимый неиссякаемым любопытством и жаждой необычных и таинственных приключений, путешествовал по Европе, овладел несколькими языками и любил многих женщин — незамужних, замужних и вдов, всегда извлекая из них выгоду. Позже он стал игроком, монахом, миссионером среди неверных, православным епископом-яковитом, затем снова католическим монахом в Вене, потом врачом в Стамбуле, торговцем оружием, инспектором укреплений, пророком новой религии и доблестным генералом. Он закончил свои дни в русском православном монастыре в Соловецке, в возрасте чуть более пятидесяти лет. Но есть и те, кто приписывает ему еще одно приключение...

Вечная легенда, но такая современная, обязательна к прочтению.

Джорджио Ди Франческо родился 29 июля 1960 года в Бардже (Кунео). Журналист-фрилансер и с 1978 года сотрудничает с газетой «L'Eco del Chisone» в Пинероло. Преподает право и экономику в средних школах. Опубликовал несколько исторических исследований, последнее из которых вошло в серию, издаваемую регионом Пьемонт.

Джорджио Ди Франческо Пророк Мансур Легендарная история пьемонтского шейха XVIII века

Предисловие

Хотя недавние бестселлеры возродили роскошь «Большого путешествия», и хотя многие коллеги воспевают великолепие экзотики как одну из глубочайших корней европейской идентичности, может показаться не таким уж странным опубликовать еще одну книгу о фигуре, о которой, справедливости ради, существует гораздо больше литературы, чем можно было бы подумать, но которая, тем не менее, представляется недостаточно изученной во всех аспектах.

При знакомстве с жизнью Джованни Баттиста Боэтти поначалу легко провести параллели: Пьетро делла Валле, Джакомо Казанова, Гобино, множество путешественников, исследователей и искателей приключений, озаривших тот век чудес, которым был XVIII век. Современник великой Екатерины Российской и Вольфганга Амадея Моцарта, Боэтти действительно прожил неповторимую жизнь, достойную пера Толстого или, в других отношениях, Киплинга.

Сегодня, как никогда, мы можем сосредоточиться на нем: в эту эпоху зарождающегося нового фундаментализма христианин Боэтти предстает как религиозный реформатор, движимый синкретическим и рационалистическим духом, который может показаться странным, но, безусловно, будет приветствоваться многими как здоровое противоядие от распространения нетерпимости.

Боэтти, как человек, по-прежнему окутан тайной. Кем на самом деле был пророк Мансур, в конце концов, мы никогда не узнаем. Говорят, что он олицетворяет собой типичную фигуру XVIII века: авантюрную, распутную, аморальную, эрудированную и гедонистическую; но вернее то, что он принадлежит к избранному кругу деятелей, которые сделали этот век таким, какой он есть, или каким мы его себе представляем. Синкретист, еретик, нигилист, реформатор, завоеватель. Мог ли он быть новым Тамерланом или, возможно, еще одним Мухаммедом?

Давайте посмотрим правде в глаза: нас мучает другой, более тревожный вопрос. Моисей, Мухаммед и другие успешные вооруженные пророки могли быть только самыми искусными и удачливыми Боэтти. А сколько же неудачливых Моисеев и Мухаммедов усеяно историей?

Мы считаем, что для серьезной реконструкции прошлого мы должны задавать вопросы подобного рода; что правильно понятая история не может избежать условности. Боэтти приближается к величию, находится в шаге от него, почти достигает его: и терпит неудачу, падает.

Из бесконечных возможностей, с которыми столкнулась его жизнь, как и жизнь любого другого человека, реализуются те, которые ведут к его гибели. Во всем этом нет логики, нет нормы. По крайней мере, человеческой логики и норм. И именно здесь историк должен остановиться.

Франко Кардини

Давайте теперь взглянем на истину человеческих душ... мы наконец-то обнаружим людей, которых не трогают незначительные события, и которые, в целом, не приходят в движение внезапно, а постепенно, чьи чувства, однако, приобретают грандиозную форму и гораздо более устойчивы.

Это люди энергичных, глубоких и скрытых страстей.

КАРЛ ФОН КЛАЗЕВИЦ

О войне

О войне

Пролог

Великие, недисциплинированные люди, мятежные против всякого правила или ограничения, восторженные в своих решениях, пылкие духом, смелые и невзирающие на опасность, дерзкие и надменные, почти презирующие занятия «простых людей»: такими были все великие авантюристы прошлого, и особенно XVIII века.

Среди них выделяется малоизвестная фигура, безусловно, забытая даже составителями самых известных энциклопедий, — пьемонтец, заслуживающий той же славы, что и Джузеппе Бальзамо, более известный как «Кальостро» или Джакомо Казанова.

Это Джованни Баттиста Боэтти: загадочная фигура из Монферрато, который за свою короткую жизнь соблазнил как женщин, готовых к замужеству, так и замужних женщин и вдов, но также был соблазнен католической верой: он был доминиканским монахом, миссионером на Востоке, а затем агентом короля Сардинии, мятежником против приказов доминиканского генерала, яковитским епископом, врачом в Стамбуле, пророком новой религии и военачальником татарской орды, которая сдерживала как русский двор, так и «Возвышенную Порту» Константинополя...

Человек, который справедливо ненавидел свой родной дом и закончил свои дни в суровых условиях русского монастыря Соловецк на берегу Белого моря, вдали от тех гор и восточных пустынь, которые он так любил.

Отчет из Стамбула, датируемый временем правления Виктора Амадея III в Пьемонте, является основополагающим текстом, на котором до сих пор основывались все биографии этой неугомонной фигуры. Он был обнаружен в 1876 году профессором Оттино (*Ottino E., Curiosità e ricerche di Storia Subalpina, эпизод VI, стр. 329 и далее, Турин, 1876*) среди бумаг Туринского государственного архива. Однако, как мы увидим, только Пикко, гораздо позже, опубликовал его полностью. Он описал его следующим образом:

«Документ, написанный разборчивым почерком, занимает папку в 57 страниц. В нем нет никаких указаний, отсутствуют дата, заголовок и подпись.

Он был написан, как следует из контекста, в Константинополе современником Боэтти. Сейчас он находится в архивной библиотеке, в каталоге указан под именем Боэтти».

Однако в настоящее время она находится по адресу: «Страны для А и В», Пьяццано, Маццо 8.

Оригинальный текст написан на французском языке, но существует и итальянская версия, которую я нашел в Королевской библиотеке Турина (Боэтти, *Miscellanea mss., 130.3*), на которую, возможно, ссылался и Д'Анкона, хотя мне не было известно о существовании копии (даже современной) предыдущей версии.

Написано в Пера или Галате, нигде больше. Не написано мусульманской рукой, во-первых, потому что мусульмане всегда стараются встать на сторону религиозных начальников авантюристов, а во-вторых, потому что турки презирали изучение западных языков до революции Мустафы Кемала, известного как «Ата-тюрк».

Поэтому почти наверняка это работа западного человека, проживающего в Стамбуле; а еще лучше — дипломата или секретного агента.

Рассматриваемый доклад основан на «Мемуарах» Боэтти, которые пророк старательно составлял и хранил в шкатулке, полной драгоценностей, украденной, как мы увидим, его греческим секретарем.

От оригинальных «Мемуаров», конечно, не осталось и следа, но, зная автора, почти невозможно представить, чтобы он не переписал их перед смертью в Соловецком монастыре, где провел последние годы своей жизни в уединении.

Доклад обогащен информацией, которую несложно было бы собрать о таком знаменитом человеке: он охватывает период до 28 октября 1786 года, когда Боэтти еще был жив и руководил своими последователями.

Неизвестно изучали ли другие исследователи до Оттино «пророка Мансура», как мы видим; только Бекаттини (*Becattini, Istoria politica, ecclesiastica e militare del secolo XVIII, vol. VII, libro XVII, pag. 69, Milan, 1798*) намекнул на его истинное происхождение, предположив, что он был «пьемонтским гренадером» или «итальянским монахом, посланным обратить Персию в христианство».

Наконец, в 1882 году Перпетуо Диониджи Дамонте (*Damonte P. D., Il profeta Mansour, ossia padre G. B. Boetti, Casale, 1882*), воспользовавшись своим положением приходского священника в родном городе авантюриста, опубликовал небольшой том, посвященный ему. Вдохновленный Оттино, священник из Монферрато собрал ранее неизвестные данные и документы, включая документы, хранящиеся в архивах небольшой церкви Пьяццано, а также информацию, полученную от семьи Боэтти, хорошо известной среди местных восьмидесятилетних стариков.

В начале этого века Карло Боэтти даже сохранил панно с изображением Боэтти в одежде доминиканского проповедника: этот уникальный образ «Победителя» (как в переводе с арабского означает «Аль-Мансур») демонстрирует нам выразительное лицо, живые глаза, разделенные большим, выдающимся носом, уравновешенным длинными ушами.

Конечно, это не современный красавец, а портрет внушительного и красивого мужчины, вероятно, выше и сильнее, чем в среднем его современники. Мы знаем, что он не презирал остроконечную бороду восточных народов и одежду персидского стиля, но на панно он одет в рясу с белым капюшоном и имеет «бочкообразную» стрижку.

После Дамонте настала очередь великого Алессандро Д'Анконы, который писал о пророке из Монферрато, сначала задаваясь вопросом, почему никто никогда не пытался опубликовать полное сочинение «Мемуаров».

Франческо Пикко (*Picco F., An 18th-century Monferrato Adventurer (Father G. B. Boetti, Known as the Prophet Mansour), Turin, 1902*) наконец-то исправил это в 1902 году, создав, безусловно, лучший на сегодняшний день текст об этом персонаже. Но даже этот автор допустил несколько серьезных ошибок: например, основываясь на данных Уорнера, он утверждал, что Соловецк находится на Черном море, тогда как на самом деле он расположен гораздо севернее, на Белом море.

Осознав это с опозданием, после упрека от Д'Анконы, Пикко исправил ошибку, добавив «error-corrige» (исправление ошибки).

И именно сам Д'Анкона (*D'Ancona A., Travelers and Adventurers, Florence 1912-1974*), в главе одной из своих знаменитых поздних книг, впервые придал имени отца Боэтти общенациональное значение.

На этом, я полагаю, можно завершить наше исследование череды авторов, писавших о пьемонтском авантюристе в прошлом. Очень мало чего «второстепенного» важного сохранилось, за исключением мемориальной доски на доме Боэтти в Пьяццано, продиктованной Франческо Босси, и текста лекции, прочитанной в академии в Казале-Монферрато в 1896 году местным писателем А. Г. Ганья (*Gagna A. G., Mansour, Casale, 1897*).

Что касается мемориальной доски, то ее следует упомянуть скорее из любопытства, чем по какой-либо другой причине, учитывая, что она содержит значительные преувеличения и неточности, гласящие:

В ЭТОМ ДОМЕ
РОДИЛСЯ 2 ИЮНЯ 1743 ГОДА
ДЖОВАННИ БАТТИСТА БОЭТТИ
КОТОРЫЙ ПОД ИМЕНЕМ
ПРОРОК МАНСУР
ШЕЙХ – ОГАН – ООЛО
ВО ГЛАВЕ ВОСЕМЬДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК
ПОКОРИЛ АРМЕНИЮ,
КУРДИСТАН, ГРУЗИЮ И ЧЕРКЕССИЮ
И ПРАВИЛ ТАМ ШЕСТЬ ЛЕТ
КАК АБСОЛЮТНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ.
ОН УМЕР В 1798 ГОДУ
В СОЛОВЕЦКЕ, НА ЧЕРНОМ МОРЕ.

Джованни Баттиста Боэтти, или «безрассудная и полная проблем жизнь»

В 1743 году Пьяццано была небольшой деревней в районе Камино, расположенной сразу за рекой По, недалеко от Казале-Монферрато, но еще ближе к Трино: четыре небольших дома с черепичными крышами и колокольной, которые находились в пределах феодального владения маркизов Скарампи де Вилланова. Поблизости на холмах были разбросаны крестьянские жилища и даже замки, но вокруг этих конюшен стояли мотыги, и атмосфера больше напоминала огороды, чем «итальянские сады».

Внутренний Монферрато недавно находился под властью Савойской империи: фактически, только в 1713 году Казале утратил свой статус небольшой столицы семьи Гонзага-Неверс, союзников Франции.

Именно в Пьяццано, 2 июня 1743 года, родился Джованни Баттиста, сын нотариуса Спирито Бартоломео Боэтти, подеста Камино, и Маргариты Марии Монтальдо, родом из Крешентино.

Так сообщает хроника, и это подтверждается приходскими документами.

Только по ошибке историк Дон Дамонте, биограф Джованни Баттисты Боэтти и приходской священник Пьяццано в прошлом веке, истолковал фамилию его матери как «Радисонда». Годы около 1745 года были последним периодом военных событий, потрясших Монферрато.

Война за австрийское наследство вновь превратила Казале в театр военных действий, но впоследствии власть семьи Савойских укрепилась, и вся территория стала пьемонтской. Торговля и сельское хозяйство наконец-то

смогли процветать: каждый «монфрин» получал свою долю «хлеба, бальзама и вина», хотя доли были далеко не равными. Мы по-прежнему жили в феодальном мире, и никто не говорил о «правах человека». Скорее, царил закон сильнейшего, а это означало, что любой, кому не посчастливилось родиться в богатой семье, должен был терпеть всевозможные притеснения, если только он не брал в руки оружие и не становился разбойником, угнетая как богатых, так и бедных...

Выхода не было!

И грубые манеры преобладали над добротой, потому что насилие было ощутимо с детства, и никто не был застрахован.

Однако некоторые люди были более жестокими, чем другие, и нотариус Боэтти был одним из них: грубый, плотский, без ума и истинного образования.

Тем, кто заплатил за это, стала его бедная жена, которая, когда ее сыну Джованни Батисте было всего семь лет, умерла после пятнадцати дней страданий именно из-за притеснений, которым подвергал ее муж. Отсюда и тень тайной боли, затуманившая глаза ребенка, быстро отдалившая его от радостей детства. И отсюда всегда исходило отвращение и едва скрываемая неприязнь к этому «неестественному отцу».

Но отец, казалось, нисколько не раскаивался; напротив, сразу после смерти первой жены он думал только о том, чтобы избавиться от потомства, которое у него было от нее, и жениться снова.

Найти невесту для Спирито Боэтти было несложно, потому что в окружающей его нищете он выделялся своим богатством и социальным положением: крепкий дом с толстыми стенами, участок земли и профессия, которая делала его авторитетом среди крестьянских масс... «покровителем»!

Господин Ривальта ди Казале, не раздумывая, согласился выдать свою юную дочь замуж за этого богатого вдовца: два состояния объединятся, и потомство будет практически гарантировано! Изоляция детей от первого брака была первостепенной задачей Спирито Боэтти, но не потому, что он ненавидел их (в своем безмерном эгоизме он не знал и не умел любить), но скорее потому, что видел в своих детях не людей, а «частицы семьи», которые должны «оказывать ей честь», не накладывая никаких ограничений на «естественного главу», который, пока не доказано обратное, оставался им.

В его архаичном представлении человек принадлежал дому, а не дом человеку; это представление еще несколько десятилетий назад встречалось среди крестьянских семей и имело корни в старом патриархальном обществе, как римском, так и германском.

Нотариус твердо намеревался обеспечить своим детям надлежащее жилье: Джованни Баттиста изучал, почему семья Боэтти должна продолжать выделяться из всех остальных в деревне, не скатываясь обратно в «массу», из которой она с трудом поднялась, несомненно, благодаря торговле в благоприятные годы.

Поэтому его и его старшую сестру поместили в два разных дома в Казале. И это, безусловно, было травматично для детей.

В те времена несколько километров могли означать «целые миры» с разными языками и традициями. В Монферрато жители холмов («бриколины») почти ненавидели друг друга, противопоставляя себя жителям равнин («баби», «роспи» или «ране», то есть охотникам и поедателям лягушек)...

Поэтому в Казале, где Джованни Баттиста завершил начальное образование, ему пришлось терпеть все насмешки, обычно предназначенные для «бриколинов», развивая классическую личность человека, «отвергнутого» своей семьей и обществом в целом. Последствия всего этого мы увидим чуть позже, но можно предположить, что Джован Баттиста развил интровертный характер.

В девять лет, узнав, что его отец действительно собирается жениться снова, он написал ему разумное письмо, в котором открыто просил его этого не делать, доходя до того, что умолял его.

Спирито, естественно, взял дело в свои руки и начал причислять своего сына к «неукротимым бунтарям»... тем, кого нужно любой ценой усмирить.

Будущая мачеха, должно быть, каким-то образом узнала об этом отвращении и поэтому попыталась полностью избавиться от всех детей от первого брака своего избранника.

После свадьбы она сначала посвятила себя борьбе с дочерьми: две младшие остались с отцом, но и им вскоре пришлось его покинуть.

Со временем все они, даже старшие, стали искать убежище от жизненных невзгод в монастыре.

В детстве мы читали похожие истории в сказках великих авторов прошлого, но, очевидно, они черпали вдохновение из реальности, потому что часто она выходит за рамки фантазии, и именно так жили тысячи Дженерентоле.

Только в одиннадцать лет Джованни смог снова увидеть Пьяццано, во время летних каникул, и таким образом испытал ненависть своей мачехи, которая уже родила ребенка. *Лето ада!*

Возвращение в Казале стало для этого угрюмого и одинокого мальчика почти освобождением.

Несмотря ни на что, его отец продолжал лелеять старый план сделать его «доктором», чего ему самому почему-то не удалось сделать! ... Обычная история родителя, который хочет реализовать себя через своих детей.

До пятнадцати лет Джованни Баттиста оставался в Казале, затем его отправили в Турин учиться в университет, который в то время имел всего два факультета.

Короче говоря, выбор был не таким широким, как сегодня: можно было стать врачом (*medicinae et philosophiae doctor*) или адвокатом (*causidicus*), в этом случае приходилось изучать как общее, так и каноническое право.

Но весь тот мир был совсем другим, чем сегодня: большая часть населения жила в сельской местности в ужасных условиях, с сельскохозяйственными контрактами, которые почти порабощали их.

Дворяне, со своей стороны, недавно начали переселяться в города и строить виллы на своих старых владениях. Эти летние резиденции часто представляли собой просто старые готические замки, грубо отреставрированные с добавлением элементов барокко, но вскоре они в значительной степени превратились в настоящие дворцы, спроектированные известными архитекторами.

Куперы разбогатели, воспользовавшись годами мира. Ярмарки, практически уничтоженные войнами за престолонаследие, возродились с той же энергией, которой они пользовались с начала XVI века, когда в Пьемонт прибыли купцы из Франции, а также из долины реки По.

Шелковая промышленность начала набирать обороты, а ряды тутовых деревьев разделяли поля.

А что же буржуазия?

Те, кто жил за счет земельной собственности и того небольшого заработка, который им удавалось получить по профессии, часто хотели выделиться из простого народа, но не слишком подражая дворянам, отчасти потому, что не могли, а отчасти потому, что считали себя выше них.

Спирито смог поступить только в профессиональное училище, поскольку для занятия нотариальной деятельностью этого было достаточно, наряду с получением «королевского патента».

Нотариус работал как независимый специалист, уполномоченный королем, или мог стремиться стать «королевским инсинуатором», то есть государственным чиновником, ответственным за хранение документов округа в офисе, известном как «Таппа дель Инсинуационе».

Его семья вскоре получила «место» в качестве советников в общине Камино, и, как и в Средние века, ее собрание по-прежнему считалось состоящим из «*homines credentes*», то есть людей, достойных доверия. «*Gent da bin*» до сих пор говорят на пьемонтском диалекте, почти всегда добавляя «*gent ch'a l'è i sòld!*». На самом деле, термин «*gent da bin*» никогда не подразумевал глубокой моральной оценки. И хотя с моральной точки зрения Спирито Бозетти мог быть отвратительным человеком из-за своего ужасного характера, с финансовой точки зрения он считался чрезвычайно надежным, настолько, что заслуживал повышения до должности мэра в соответствии с принципом (ещё не доказано), что «кто лучше всего умеет служить своим интересам, тот лучше всего послужит и обществу».

Достаточно респектабельный, чтобы позволить ему жениться повторно, в то время как семья невесты вела длительные переговоры и, безусловно, знала, что Спирито убил свою первую жену.

В таком обществе дворяне и буржуазия вежливо уважали и ненавидели друг друга, поддерживая «защитные отношения», которые мы не должны стесняться называть «мафическими». И точно так же, как каждая буржуазная семья настойчиво искала «благородного защитника», Бозетти нашли его в лице маркиза Виллановы, конюшего королевы, а значит, очень влиятельной фигуры в небольшой столице королевства.

Почему Вилланова?

Потому что Пьяццано располагалась на землях этих дворян.

Вероятно, Бозетти разбогатели в тени этих феодальных лордов.

Но, возвращаясь к «защите», следует сказать, что она могла быть установлена самыми разными способами, все они были связаны с уважением к «форме», обеспечена частыми «данью уважения» и «раболепными поклонами» самых смиренных.

Такие фразы, как «поверженные и униженные перед Вашим Высочайшим Владычеством», нам непостижимы, тогда как до Французской революции они были обычным явлением в каждом письме, отправленном лицу высшего ранга.

«Благожелательность дворянина», с другой стороны, проявлялась в словах снисхождения, скрывавших презрение к низшим, а «поклонение протее», помимо высокопарных слов пустой раболепности, выражалось ритуальными жестами, такими как глубокие поклоны.

Таким образом, пьемонтское общество сумело сохранить определенное «умеренное равновесие», умело используя «ложь и учтивость». Дом Савойи склонил чашу весов в свою пользу: не просто дворяне, а само воплощение государства. Даже Турин, столица небольшого Савойского королевства, сильно отличался от сегодняшней метрополии. Крупные городские преобразования уже были осуществлены в начале того века, но центр города был хорошо описан Де Амичисом гораздо позже: «Узкие улочки, обрамленные высокими мрачными домами, разделенные полосой неба, которые открываются в низкие, пещерообразные дверные проемы, из которых можно увидеть черные дворы, мрачные лестницы, темные коридоры, тупиковые переулки, сырые, похожие на монастырские и тюремные, пейзажи с парикмахерскими, освещенными в полдень, притонами торговцев подержанными вещами, похожими на входы в подвалы, небольшими деревенскими гостиницами с гротескными вывесками и дворами, покрытыми грубыми крышами».

Сносы и реконструкции прошлого и этого века, а также бомбардировки союзников изменили древний облик Турина: кое-что от него сохранилось, если пройти по переулкам, отходящим от Виа Гарибальди, но большая его часть утрачена.

В 1717 году в городе уже проживало 53 666 жителей, что значительно превышало население всего Пьемонта, но это все еще был всего лишь небольшой городок, где многие люди знали друг друга.

Новый Турин расширялся на восток, в сторону реки По, а городские стены были отодвинуты к входу на площадь Витторио: всё происходило в геометрическом порядке, продолжая шахматную доску римского лагеря, который служил основой древнего плана города и который никогда не менялся.

Савойцы хотели «униформовать» всех по своей воле.

Иностранцы были поражены, увидев эти дома одинакового цвета и высоты, и такой внешней формы, что казалось, будто они все созданы вместе, словно чудом.

Они были поражены горожанами, одетыми одинаково, без излишних излишеств, почти в военной форме, как будто все они были «сельскими стражниками».

Но больше всего стороннего наблюдателя поражала общая жизнь различных социальных классов.

В городе дворяне владели самыми красивыми зданиями, но занимали их не одни: «На первом этаже располагались магазины, а на антресолах — лавочники», — писал Берзецио, потому что это было в его время это по-прежнему было так: «на верхнем этаже (который называется «дворянским») проживала аристократия».

На других этажах (чем выше этаж, тем ниже ранг) располагалось богатство, на других — буржуазия. И, наконец, на чердаках — плебеи.

Именно семья Савойских задумала эту структуру. Всё государство должно было быть организовано как полк. И если в армии офицеры жили среди солдат, хотя и с большим комфортом, то дворяне продолжали считаться офицерами даже в мирное время, в своих частных домах.

По крайней мере, в городе предполагалось следующее: если дворяне хотели большей «приватности», они должны были строить виллы в непосредственной близости от самой столицы или в местах своего происхождения. И многие даже этого не делали, потому что дворянство было довольно скучным и замкнутым. Более того, общая экономическая ситуация, безусловно, не соответствовала нынешнему уровню.

Далекая торговля казалась затруднительной, транспорт был неудобным, дороги плохо содержались, а пошлины были чрезвычайно высокими.

Попытка использовать реку По вскоре провалилась, потому что концессионные компании отказались от неё. Планы по строительству каналов по всему региону так и не были реализованы. С другой стороны, несмотря ни на что, торговля между Туринском и остальной частью Пьемонта активизировалась. Доказательством этого является возросшее значение городских рынков и ярмарок, таких как те, что проводились на площади Пьяцца делле Эрбе, перед ратушей и возле Порта Палаццо, ныне Пьяцца делла Република.

Некоторые рынки также переместились по мере роста города: зерновой рынок переместился с площади Сан-Томмазо в окрестности улицы Виа Андреа Дориа, а винный рынок — на площадь Карлина, где он проводился под специальными крышами.

А чтобы получить представление о том, каким был туринский рынок в XVIII веке, нужно посетить городской Музей древнего искусства и остановиться перед картиной Микеле Гранери «Рынок на площади Сан-Карло».

На переднем плане, справа, видна драка между двумя игроками: карты разбросаны по земле, летят кулаки; третий персонаж, друг проигравшего игрока, разбивает корзину о голову нападавшего; вмешивается суровый полицейский. Кроме двух детей и собаки, никто, кажется, не интересуется происходящим. Чуть дальше два торговца ведут переговоры о грузе дров: связки свалены на земле. Двое других оценивают цену зерна. Транспортное средство – ослы или лошади, которые иногда падают от усталости, ломая перевозимый груз. Толпа домохозяек нападает на импровизированные овощные и сырные ларьки, среди которых бродят грязные беспризорники в рваной одежде, возможно, уличные воришки. Нищих не видно. Вдали точильщик ножом толкает свою тележку, вероятно, крича: «Молита... ооо молита!». На заднем плане виден продавец «эликсира долголетия»; вокруг этого «батюдера» толпа людей произносит речи под звуки скрипки. Несколько дворян, выходящих из церкви, проводят церемонии. Два монаха и два солдата входят на площадь с нынешней Виа Рома, всё ещё лишённой портиков. Справа — военный парад, а также простые зеваки, гуляющие и дети, играющие с тележкой собственного изобретения.

Вот что увидел Джованни Баттиста, когда прибыл в Турин. Он прошёл по этим улицам.

В 1750 году жители Турина потребили 11 030 мешков пшеницы, 28 000 мешков ржи, 7 616 мешков кукурузы, 14 000 мешков овса, 7 518 мешков каштанов и 31 547 телег вина.

Стоимость товаров, которыми торговали в то время, составляла 3 628 850 лир. Город высоко ценил духовные ценности. В нем было двадцать четыре прихода, восемь братств, пять больниц и одна благотворительная конгрегация.

В области образования о возросшей известности Туринского университета можно было судить не только по величественному новому университетскому дворцу, открытому в 1720 году, но и по числу профессоров, которое удвоилось за восемь лет, и по числу студентов, которое к 1730 году уже достигло 2000 человек.

Витторио Амадео ди Савойя за счет государства создал «Колледж провинций», не подчинявшийся никакому религиозному ордену, единственной целью которого была подготовка людей, способных служить небольшой нации.

Королевские положения, касающиеся университета, как и положения, касающиеся военной академии, были частью более широкой системы правил, которые сформировали новый фундамент государства.

Джованни Баттиста был направлен в «Колледж провинций» с целью стать хорошим врачом. Однако его отец не предвидел, что он предпочтет изучение права медицине.

Просто противоречивый дух или истинное призвание? Трудно определить! Единственное, что известно наверняка, это то, что Джованни Баттиста посещал те университетские курсы, которые хотел, а не те, которые ему предписывали.

Естественно, когда его отец узнал об этом, разразился настоящий скандал. Можно представить себе крики и угрозы Спирито, который, безусловно, не мог быть «мягкотелым» человеком.

К сожалению, мы не знаем всех подробностей.

Подробности истории. Мы знаем лишь, что мальчик страстно увлекался юриспруденцией и что у Джованни Баттисты, вероятно, были бы задатки юриста, если бы судьба не уготовила ему иное...

После угроз отца у него была только одна мысль: сбежать!

Да, но куда и как?

Книги и некоторые речи, которые он слышал в столице Савойе, разожгли в нем любовь к Востоку и тайнам далеких земель, но Пьемонт не был колониальной державой, а Турин — приморским городом: уехать было крайне сложно, особенно без денег...

Как преодолеть это препятствие?

Джованни Баттиста долго думал об этом и начал копить небольшие сбережения.

Однако контроль в колледже, где он жил, был чрезвычайно строгим: чтобы сбежать, ему пришлось бы прибегнуть к помощи других.

Он убедил себя, что лучший способ путешествовать — это получить «разрешение паломника». Затем он нанял мальчика, который за плату заказывал товары от своего имени и перепродавал их ему. После этого он поручил другому мальчику купить все, что тот считал абсолютно необходимым для путешествия. Наконец, он был готов! Ему оставалось только дождаться подходящего момента! Но как только он завершал последние приготовления, ему сообщили, что у дверей его ждет человек в черной одежде и длинном парике.

Джованни Баттиста задрожал: он знал, что это форма полиции.

«Сэр, вы мистер Боэтти?»

«Да».

«Что ж, будьте так любезны, пройдите за мной, ибо вы заключенный по приказу короля».

С неохотой студент забрался на носилки и был сопровожден к Порта-дель-По, где он провел целый месяц под стражей. Полиция вела себя странно.

Конечно, это был арест студента, восставшего против власти отца, а не уличного преступника, но, должно быть, происходило что-то еще. Позже выяснилось, что в этом был замешан сам городской губернатор.

Спирито Боэтти, должно быть, каким-то образом узнал о попытке побега. И это было возможно. В самом деле, если эти юноши продали себя ему за деньги, они могли бы продать себя и его отцу за большую сумму...

Несомненно то, что нотариус Боэтти отправился к маркизу Вилланове, и тот, будучи другом губернатора, спланировал арест и заключение студента в тюрьму.

В этот момент в дело вмешался дед Джованни Баттисты по материнской линии, дворянин из Крешентино, который, несмотря на преклонный возраст, все еще имел много родственников и полезных связей. Каким-то образом узнав об инциденте, возможно, от самого Спирито, и пожалев своего и без того несчастного внука, старик отправился в столицу.

И если столетие спустя конный омнибус по-прежнему тратил в среднем четыре часа на преодоление двадцати пяти километров, можно представить себе, в каком состоянии он туда прибыл. Затем он позволил себе немного отдохнуть и отправился просить о встрече с маркизом Виллановой.

Получив его (что было непростой задачей), он изложил свою версию событий, дав самые убедительные заверения в доброте своего внука, и ему поверили.

Теперь оставалось лишь преодолеть препятствие со стороны губернатора...

Джованни Баттиста по-прежнему считался виновным, и если он хотел освободиться, ему предстояло поклясться подчиняться отцу и продолжать учебу по своему желанию. Таким образом, мальчика привели к губернатору и «защитнику» его семьи. Там он должен был «смириться и поклониться», как это сделал его дед. Более того, он должен был быть благодарен за то обращение, которое он получил, и за принятые против него меры... что чересчур задевало его самолюбие!

Таким образом, после требуемого поклона Джованни Баттиста повел себя весьма дерзко: «Ваше Превосходительство, — сказал он, — я вынужден поблагодарить Вас за то, что Вы заключили меня в тюрьму, и я делаю это, но неохотно, потому что глубоко чувствую нелепость такого шага!»

Атмосфера в комнате внезапно изменилась. Вилланова побледнел, дед покрылся холодным потом, а губернатор, покраснев, выкрикнул ужасное «Вон!». Но на этом, конечно, все не закончилось.

Обретя свободу, Джованни Баттиста Боэтти провел несколько дней в Крешентино, в доме деда, но затем ему пришлось встретиться с отцом в Пьяццано. И здесь он пострадал больше, чем в тюрьме. Избитый до крови, он избежал смерти только потому, что был сильнее отца, который, избивая его, истощил свои силы.

Прошло три адских месяца, с почти ежедневными ссорами, разжигаемыми мачехой, пока, благодаря посредничеству добрых соседей, обещаниям и угрозам, нотариус Спирито не решил отправить его обратно в Турин, чтобы он закончил медицинское образование и больше никогда ничему не посвятил себя.

«Врач, вопреки себе» на некоторое время должен был смириться и соглашаться на условия, которые его мало интересовали.

Однако в своей комнате в колледже он постоянно думал об огромных возможностях, которые мог предложить ему мир.

Он рассматривал книги, написанные на латыни, и даже не замечал букв, глубоко отпечатанных типографским станком. За бумагой он видел закаты, окрашивающие море в красный цвет, и ветер, колыхающий пальмы.

И мечтать обо всем этом нам было бы гораздо легче, чем мальчику его времени. Современники, даже оставаясь дома, имели возможность увидеть самые отдаленные и скрытые уголки планеты по телевизору или, по крайней мере, на великолепных фотографиях.

Тогда можно было только читать отчеты и видеть наброски, которые часто делались на месте, а затем дорабатывались в Европе, возможно, совершенно другой рукой.

В апреле его новый план побега был готов. На этот раз он сбежит, ничего не взяв с собой, направившись прямо в Милан, где запишется в австрийскую армию.

Мы можем представить себе это первое путешествие: путешествие, почти полностью совершаемое пешком, лишь изредка случались удачные моменты, по узким грунтовыми дорогам.

Из своих автомобилей, на автомагистралях, мы часто любимся окружающим нас пейзажем, но с совершенно иной точки зрения, чем человек XVIII века. Путешествие из Турина в Милан сегодня — это короткий путь, который мы, вероятно, уже несколько раз совершали к семнадцати годам. Для нас поездка — это смесь скуки, относительной усталости или обмена впечатлениями с теми, кто застрял в машине. А когда мы одни, существуют только наши мысли. Таким образом, современное путешествие сводится к отправлению и прибытию.

Мы скучаем почти по всему, что находится между ними — по территории, по которой мы путешествуем, так сказать: по меняющимся диалектным интонациям, вкусам кухни, обычаям людей...

Более того, сегодня «средства массовой информации» и объединение под властью единой центральной власти свели к минимуму различия между соседними землями. Чтобы добраться до Милана, Джованни Баттиста, конечно же, не должен был ехать по главной дороге. Он несколько раз объезжал препятствия и сталкивался с трудностями у каждого ручья, который ему приходилось пересекать вброд, часто преодолевая

несколько километров, чтобы добраться до небольшого деревянного моста или хотя бы до места, где были паромы или где он мог прокатиться на чьей-нибудь спине.

По сравнению с ним, мы обладаем огромными знаниями о местности, и с шоссе мы видим горные хребты, тянущиеся вдоль нас. Он же на небольших проселочных дорогах видел лишь стены из растительности.

В каждом городе он спрашивал информацию и часто сталкивался с подозрением. Милан, должно быть, казался ему совершенно другим городом по сравнению с Туринском времен династии Савойских: другим не только по стилю зданий, но и по менталитету его жителей и имперского правительства Габсбургов.

Мы не знаем, насколько приятным было для Джованни Баттисты первоначальное впечатление. Он оказался без финансовых средств на чужбине, и единственная жизнь, к которой он мог стремиться в тот момент, была в защищенном институте, таком как армия.

Каким-то образом Бозетти удалось поступить в полк «Клеричи», где он служил клерком, или, как мы бы сказали, «квартирмейстером». Таким образом, он смог использовать свои знания, хотя и не закончил их. В этот момент ему пришлось связаться со своим дедом, которому удалось добиться перевода в Кремону и получить для него рекомендации (итальянский обычай, существовавший в то время).

Дедушка Монтальдо был влиятельной фигурой, имевшей обширные связи в высшем обществе. Его фигура всегда доминировала в этот период его жизни — своего рода «настоящий отец», которого он никогда не чувствовал в том, что ему дала природа.

В Кремоне его девятнадцатилетний кузен уже стал офицером в этом же полку, и этот факт сам по себе был хорошей визитной карточкой.

Таким образом, Джованни Баттиста был представлен губернатору города и получил доступ ко многим эксклюзивным дворянским салонам. Он был одет как кадет и вел себя как джентльмен. Действительно, если бы у него было чуть больше терпения, он бы действительно стал офицером. Жаль, что терпение было именно тем качеством, которого ему всегда не хватало...

К этому времени у него появились деньги, и его неугасаемая жажда приключений осталась неизменной, но он, конечно же, не смог бы удовлетворить ее в имперской армии, особенно в тот период времени в мире. После демобилизации он решил отправиться в Богемию. Он наверняка встречал чешских солдат и слышал их рассказы о столице, Праге, одном из самых красивых городов Европы.

И Прага, безусловно, очаровала его, как и сегодня очаровывает своих посетителей. В те годы город, наконец обретший мир, был строительной площадкой, и архитектура барокко восторжествовала в своих лучших формах, затмив даже великолепие Вены.

Торговля там процветала, и германизированная знать обладала огромным капиталом.

В Праге же старая любовь Джованни Баттисты, который «любил жить на широкую ногу», быстро закончилась. Но он определенно не был из тех, кого расстраивают такие пустяки. Он был молод, полон энергии и знал, как расположить к себе женщин. Поэтому он выбрал своей целью молодую вдову, которая так влюбилась в него, что хотела выйти за него замуж. Это было его первое большое романтическое приключение, которое многому научило его о женщинах и жизни, и из которого он впоследствии извлек большую пользу...

Вероятно, он искренне любил девушку и даже подумывал жениться на ней и «остепениться», но столкнулся с решительным противодействием ее семьи после смерти ее первого мужа, а этикет требовал строгого соблюдения траурного периода.

Это требование еще больше усугублялось высоким происхождением дамы.

Но, несмотря на это, любовь между ними неуклонно росла, настолько, что молодая дворянка, к большому скандалу, родила ему сына. Именно из-за этого поднялся такой шум, что её родители, осыпав Джованни Баттисту деньгами, добились его ссылки из города.

Кто знает, может быть, потомки нашего монферратского авантюриста живут и сегодня в Чехии.

В любом случае, между полутора тысячами немецких флоринов, полученных от родственников женщины, и той же суммой, которую она ему дала, Джованни Баттиста Боэтти смог покинуть Прагу, словно император.

Немецкий язык, который он, скорее всего, выучил во время службы в ломбардско-венецианской армии, безусловно, хорошо послужил ему как в Богемии, так и в последующих путешествиях. Он пересёк немецкие территории, сначала отправившись по дороге в Регенсбург, а затем в Страсбург. Он прибыл туда верхом на лошади в сопровождении двух слуг и камердинера: настоящий «джентльменский» наряд!

Джованни Баттиста был очень молод, но, безусловно, уже от природы был склонен наблюдать за всем, что видел вокруг себя. Нетрудно представить, что даже в этом возрасте он вел дневник, в котором записывал все, что происходило во время его путешествий.

В каждом городе он посвящал себя осмотру архитектурных чудес; в Страсбурге его почти очаровала прекрасная готическая архитектура древнего собора.

Там он встретил пожилого каноника, который быстро был очарован его красноречием.

Они расстались, больше не встречаясь, но по воле случая они снова встретились в городе во время конной прогулки: на этот раз старик настоял на том, чтобы Боэтти пообедал с ним.

У каноника была двадцатидвухлетняя племянница, довольно невзрачная, которая влюбилась в молодого путешественника с первого взгляда. И к этому моменту пьемонтский авантюрист точно знал, что делать: он притворился, что отвечает взаимностью искренне, но только потому, что увидел возможность романа с потенциально выгодным финансовым результатом...

К счастью для него, эта девушка была невероятно богата и, заметив внезапную (расчётливую) холодность молодого человека, проявила такую неосмотрительность, что захотела завоевать его расположение щедрыми подарками, которые негодяй всегда принимал.

Когда каноник узнал о заговоре, стыдясь того, что стал невольной причиной несчастья своей племянницы, он дал авантюристу ещё денег и паспорт.

Джованни Баттиста со всей своей свитой превратился в «лесную птицу» и на коне пересёк половину Европы, чтобы вернуться в теперь уже богатую «прекрасную страну».

Никто не знает, какие приключения постигли его в этот период необычайного богатства, но мы прекрасно знаем, чем всё закончилось! Находясь на пике своего состояния, он оказался в Болонье, когда оказалось, что «лисе», которой он был, суждено было превратиться в «курицу».

Однажды, не особо задумываясь, учитывая, что происхождение всех этих денег, безусловно, было «незаслуженным» и «незаработанным», его флорентийский камердинер забрал у него багаж и деньги.

Джованни Баттиста, оказавшись в богатом и очень красивом городе, решил решить проблему обычным способом, то есть совместив дела с удовольствиями. Он искал, но тщетно, потому что не нашел ни одной привлекательной женщины, за которой можно было бы ухаживать с интересом...

Скрепя сердце, все еще хорошо одетый и имея всего несколько пенни, он решил отправиться домой.

Он не видел отца много лет и был уверен, что его не примут в семью. Поэтому он не осмеливался появляться перед ним без предупреждения, опасаясь бурной реакции. Ему пришлось сначала попросить людей заступиться за него, и они пришли к соглашению.

Боэтти, снова пешком, смог вернуться домой в Пьяццано, где его встретили холодно, несмотря на прощение.

Компромисс был недолгим: всего две недели спустя его мачеха и её родственники снова отдалили от него жестокого отца...

Даже дети от второго брака вели себя по отношению к нему очень плохо.

Его страдания смягчило то, что он влюбился в молодую девушку, дочь очень богатых соседей, за которой ухаживал с согласия её родственников. Намерение - единственным выбором между ними было создание новой семьи, и Джованни Баттиста действительно решил оставить прошлое позади, но впереди этой благородной цели вновь замаячила ужасная фигура нотариуса Спирито Боэтти.

Последней каплей стал ночной выстрел отца в сына, который как раз возвращался из дома своей невесты. Джованни Баттиста понял, что с таким родителем его собственная жизнь может оказаться в опасности!

После выстрела, как будто этого было недостаточно, нотариус обрушил на юношу и его возлюбленную поток невыразимых оскорблений.

Услышав это, родители, естественно, были глубоко оскорблены и, хотя девушка очень хотела этого, немедленно заставили её выйти замуж за другого. Слабак в такой ситуации покончил бы с собой, но Джованни Баттиста не был таким, да и не настолько злым, чтобы замышлять месть отцу. Действительно, потеряв всякую надежду покинуть свой дом с честью, он тщательно подготовился к тихому бегству. Он с трудом накопил небольшую сумму денег и отправился в Геную, будучи хозяином лишь своей обуви и молодости. Он уже привык к сухопутным путешествиям и всем их неудобствам; на этот раз, однако, он был полон решимости совершить морское путешествие.

В древней морской республике суда постоянно причаливали и отчаливали. Имея мало денег, легко было найти место на борту, даже на грузовых судах, если соглашаться на условия, которые нельзя было назвать «первоклассными».

Однако у простых людей того времени были совсем другие потребности и ожидания, чем сегодня. Путешествия, даже короткие, длились много дней, потому что корабли были парусными и зависели от часто причудливых ветров.

Конечно, после посещения Генуи и записи ее особенностей в своем дневнике, Джованни Баттиста сумел найти место на борту до Рима. На генуэзском судне он встретил профессионального игрока: испанского монаха из ордена Святого Франциска Паольского, который предложил сыграть в азартную игру, чтобы скоротать время. Двадцатилетний Боэтти согласился, скорее всего, потому что его многолетний опыт уже достаточно научил его искусству азартных игр; настолько, что его противник быстро проиграл не только двести пятьдесят семь пиастров, но и весь свой багаж, оставшись без гроша.

Обманывал ли он? Кто знает?

Несомненно одно: монах не сидел сложа руки, вероятно, потому что не привык проигрывать.

Итак, пока Джованни Баттиста считал, что у него все в порядке, в порту Чивитавеккья его ждал сюрприз. Там испанский монах обвинил его в краже перед губернатором, и молодой человек, объяснив, что это был выигрыш в азартной игре, был вынужден вернуть все в обмен на свободу!

Но он не сдался! Действительно, пьемонтский авантюрист вскоре получил возможность подшутить над своим обвинителем, притворившись горбатым.

Джованни Баттиста следовал за ним издали и увидел, что на полпути к Риму, куда он, похоже, тоже направлялся, он остановился в таверне. Там он задумал план: воспользовавшись своим юношеским обаянием и прекрасной речью, ему удалось заручиться поддержкой служанки, которая иногда занималась проституцией. Он заметил, что у игрока, несмотря на его обеты, была слабость к нижним юбкам.

Поэтому он договорился, чтобы игрок переспал с девушкой, и предупредил викария близлежащего прихода, который застал их на месте преступления в присутствии двух свидетелей и позаботился о составлении протокола. Счастливый и довольный, хотя и с несколькими пенни, он прибыл в «вечный город», отправившись в приключение, которое, казалось, никогда не наступит.

Чтобы положить конец такой посредственности, но даже не думая о поиске работы, он решил навестить своего родственника, прелата, который лишь уговорил его вернуться домой, даже одолжив деньги на поездку, лишь бы избавиться от него. Молодой человек согласился, но тут же подумал о другом использовании этих денег.

Его давняя мечта о Востоке была далека от смерти! Но как её осуществить?

Из Рима это было очень сложно; ему нужно было добраться до крупного порта с регулярными отправлениями, и этим портом могла быть только Венеция, тогда ещё являвшаяся центром средиземноморских торговых путей.

Легче сказать, чем сделать, потому что этот город был очень далеко, и ему нужно было пересечь Апеннины, прежде чем добраться до дороги на Адриатическое море.

Джованни Баттиста, шаг за шагом, подобно паломнику, дошел до святилища, посвящённого Богоматери Лоретонской, в регионе Марке. По мере приближения он встречал по пути новых попутчиков, которые восхваляли святость этого места.

С XII века Лорето является местом паломничества; во-первых, потому что здесь почитается икона, предположительно написанная святым Лукой Евангелистом, а во-вторых, потому что здесь находится часовня.

Считается, что это был Святой Дом Иисуса Христа в детстве, принадлежавший к определенной секте, в которой он находился. Согласно преданию, он был построен рядом с Гротом Благовещения, и ангелы чудесным образом ночью укрывали его на христианской земле, в сумерках латинского Иерусалимского царства. Первоначально он временно находился в Трсате, недалеко от Фиуме, в Истрии (9-10 мая 1291 г.). Затем, поскольку там было небезопасно, его перенесли в Реканати (10 декабря 1294 г.), а несколько месяцев спустя – окончательно в Лорето. Первое упоминание об этом здании позднее и неточное (хроника П. Толмеи да Терамо, 1465 г.). Это кирпичное сооружение, построенное по европейской технологии, датируемое XI веком и отличающееся отсутствием фундамента; его длина составляет 9,52 м, ширина – 4,10 м, а высота – 4,30 м. Его крыша датируется XVI веком.

Вокруг него Папа Павел II построил прекрасный храм, отражающий переход от готического стиля к стилю Ренессанса, спроектированный Марино Чедрино да Зара и продолженный Джулиано да Маяно в 1476 году.

Наш Джованни Баттиста Боэтти был очарован этим святилищем. Он преклонил колени и выстроился в очередь, как и все остальные, чтобы добраться до «Святого Дома» и помолиться. Однако, приблизившись к

Shatoy.org

порогу, войдя внутрь, он почувствовал глубокое волнение, которое довело его до слез. Он всегда говорил, что таинственная сила удерживала его, не давая войти. Очевидно, это была его собственная совесть, мучившая его, заставлявшая его раскаяться в своей распутной жизни. Но он истолковал это как «божественный призыв», приказ уйти от мира.

Поэтому он провел четыре дня в покаянии, всерьез раздумывая о том, чтобы исповедаться и запереться в монастыре.

Мы уже видели, что такая же участь постигла его трех сестер. Действительно, и эпоха, и среда, в которой жил Джованни Баттиста, были гораздо более религиозно ориентированы, чем сегодня.

Однако даже тогда поступление в монастырь и принятие обетов было непростым делом. Прежде всего, нужно было иметь хорошие связи!

Он отправился в Равенну, где встретил графа Сорди, секретаря кардинала Кривелли, от которого надеялся получить рекомендацию для вступления в религиозный орден.

Очевидно, с самого начала у Джованни Баттисты были какие-то «карьерные» амбиции; иначе он доверял бы только «святым на небесах», оставляя в стороне тех, кто «на земле».

Но на этом его несчастья не закончились!

Мы уже знаем, что в его время путешествия были постоянным риском, и следует добавить, что жалеть пеших путешественников в карете также могло быть очень опасно.

В карете Джованни Баттисты находились мужчина и молодая женщина. Но у ворот Пезаро солдаты гвардии арестовали необычную троицу: их заключили в тюрьму на двадцать восемь дней, после чего допросил губернатор города. Выяснилось, что он укрывал женщину с сомнительной репутацией. Он категорически отрицал знание личности и профессии двух других пассажиров и отрицал какие-либо отношения с ними, кроме обычной вежливости.

К счастью для него, губернатор был подданным Савойской династии, некий монсеньор Радикати ди Брозоло, который поверил ему, особенно услышав историю о его внезапном обращении. Однако после освобождения он посоветовал ему немедленно покинуть город и отправиться в Равенну.

Как же всё сложилось на самом деле?

В Равенне граф Сорди принял его дело близко к сердцу и приложил все усилия, чтобы познакомить его с настоятельницей доминиканского монастыря, которая приняла его и предоставила ему «испытательный срок».

Но Бозетти было всего двадцать лет, и поэтому ему требовалось разрешение отца. Чтобы его получить, граф и настоятель написали в Пьяццано.

Столкнувшись с такими просьбами, нотариус Спирито, должно быть, был несколько удивлен, но, возможно, под давлением своей второй жены, которая увидела возможность избавиться от еще одного ребенка от первого брака мужа, он охотно дал свое согласие.

25 июля 1763 года Джован Баттиста облачился в монашескую одежду.

По своей беспокойной натуре он, казалось, страдал в монастыре. В течение долгого года послушничества он неоднократно просил о гражданской одежде, и в каждый критический момент его духовному наставнику приходилось уговаривать его не совершать этого поступка.

Это, безусловно, бросает новую тень на искренность его обращения!

Наконец, после исповедания веры и принятия обетов, он не смог долго выдержать это уединение. Поэтому его отправили в Феррару, где он изучал философию и теологию, оставаясь там в течение пяти лет.

Там его считали образцовым учеником, одним из тех, кто знает больше, чем их учителя, но не смеет это показывать.

В следующем году, по окончании учебы, он попросил разрешения и отправился навестить свою семью, и это обернулось «настоящей катастрофой», потому что его высмеяли и назвали «дьяволом, превратившимся в отшельника»!

Джованни не с кем было поделиться своими переживаниями, и кипящая внутри печаль чуть не заставила его взорваться. Поэтому, вернувшись в Феррару, искренне захотел стать святым!

С величайшим усердием занимался учебой, став исключительным сторонником собственных правил. Его даже называли образцом для подражания!

Но внутри себя он лелеял тайную мечту: получить разрешение покинуть покой монастыря, потому что никогда, ни на мгновение не переставал верить, что ему «суждено великое дело» в жизни...

И мысль о достижении Востока все еще мучила его, как настоящая болезнь.

Рецепт искателя приключений

Прежде чем рассматривать легендарные подвиги Джованни Баттисты Бозетти в землях «неверных», нам необходимо задаться вопросом, какие средства были необходимы для того, чтобы позволить себе жизнь, полную приключений, в XVIII веке. Конечно же, богатство, выходящее за рамки простых денег!

А масса обездоленных, которые в те годы устремлялись из сельской местности в столицу Пьемонта, безусловно, этого не имела. Для них попытка «приключения» была чем-то совершенно иным и более сложным. Та же разница существует между «приключением» и «авантюрой»: первое понимается как стремление к простому материальному благополучию, обычно недоступному; второе — как стремление к духовному благополучию, которое обычно можно найти, своего рода побег в далекий и волшебный мир!

Чтобы понять, что ожидалось, вспомним доклад, составленный по распоряжению генерального аудитора маркиза Карло Филиппо Мороццо и хранящийся в старинных архивах ордена Маурициано. Из этого следует, что некий Джованни Паоло Антонио Карена, «среднего роста, крупного телосложения, с короткими каштановыми волосами, почти без бороды, круглым, пухлым лицом, на вид лет двадцати двух, покинул «Остерию делла Фрутта д'Оро» в Турине утром 10 июня 1759 года, куда он эмигрировал из своего родного города Кортемилии. На нем была: «короткая темная рубашка из полушерсти, под которой была флисовая куртка оливкового цвета, носки из полушерсти, называемые «россовер» (красные), белые носки-бомбы и рваные туфли».

В карманах он спрятал: «две красные ленты, четки с двумя медными медалями, небольшой кошелек с двумя солидами и восемью денариями внутри, полуповрежденный перочинный нож с костяной рукояткой и небольшой картонный футляр в кожаном переплете с двумя иглами внутри».

Молодой человек также нес с собой письмо, написанное его братом Пьетро Антонио, который был поглощен подготовкой к свадьбе с богатой вдовой, что вызвало всеобщую зависть: «В этой деревне все слишком завидуют; у этой вдовы есть все необходимое для дома». Мне не нужно ничего покупать, и, кроме того, у неё пятьсот фунтов пьемонтского золота, а также золото и серебро, мне не нужно ничего покупать, кроме иглы для неё...»

Джованни Паоло в тот день не вернулся в свою квартиру. Днём его нашли без сознания у дверей больницы Маурициано. Его занесли внутрь, и он умер на глазах у медсестёр, ещё до того, как врачи осмотрели его, но никаких травм обнаружено не было. Мастера, у которого он работал подмастерьем, вызвали для дачи показаний, и он сообщил о проблемах со здоровьем, которые испытывал в предыдущие дни: «Сильная простуда с лихорадкой, лечившаяся двумя кровопусканиями в руку, и сильная стеснённость в груди, которая мешала ему дышать».

Дело было закрыто, и его смерть была отнесена к естественным причинам. Но остаётся сильное подозрение: Карена принадлежал к той массе недавно урбанизированных крестьян, которые постоянно разрывались между достойным выживанием, борьбой за выживание и ужасающим голодом.

У Джованни Паоло, должно быть, не было недостатка в «духе приключений», особенно учитывая глубокое одиночество, окружавшее его (ни мать, ни сестра, ни подруга так и не пришли забрать его личные вещи, которые до сих пор можно увидеть в упомянутом архиве), и ему нечего было терять, уезжая. У него даже не было состояния, чтобы тратить. Это, по сути, обеспечивалось тем фактом, что он «мог похвастаться нужными связями», а также «получил образование» в эпоху, когда даже это было недоступно большинству людей.

Насколько знания его влиятельного деда помогли Бозетти? Насколько важны были его исследования в области медицины и права? А также его теологические и философские исследования? Насколько важна была его легкость в изучении иностранных языков, характерная для образованного человека?

Очень важна; на самом деле, она была необходима, как и его буржуазные манеры, а также то, чему он научился, будучи курсантом австрийской армии. Короче говоря, в то время «дух приключений» вполне мог быть большим, но чтобы быть «настоящим авантюристом», можно с уверенностью сказать, этого было бы недостаточно.

Вместо этого Джованни Баттиста обладал всеми необходимыми качествами и не стеснялся использовать их в полной мере.

Первые путешествия отца Бозетти на Восток

После нескольких лет, проведенных в монастыре, «доминиканский проповедник», теперь досконально обученный ораторскому искусству и богословию, попросил и получил разрешение от Рима отправиться в качестве миссионера в земли, управляемые Высокой Портой, турецким правительством в Стамбуле.

Он покинул Феррару и отправился в Венецию, где провел шестнадцать дней, ожидая благоприятного отправления. В те времена не было регулярных линий с надежными отправлениями, а только «импровизированные переправы», довольно рискованные и весьма опасные.

Согласно хроникам, отец Бозетти в этот период думал только о том, чтобы получить от Бога «силу, необходимую для апостола», остановившись в Сан-Доменико-ди-Кастелло. И если верить той версии, которую он сам изложил, то апостольская деятельность началась в Венеции с работы по освобождению молодой проститутки. Но давайте прочитаем королевский рассказ по этому поводу напрямую: «Однажды проходя по улице, он увидел молодую женщину в дверях. Его сердце сразу же тронуло зрелище этой юной красавицы, униженной и бесчестной перед Богом. Поэтому он захотел начать свою миссию по обращению этой несчастной девушки, которой он начал говорить прекрасные слова, чтобы убедить ее изменить свою жизнь.

Девочка притворилась тронутой! Она начала заикаться, плакать, рыдать и тихонько укрылась в своем убежище. Миссионер вошел туда, чтобы закончить свою работу, веря в ее покаяние. Его речи становились все

более оживленными и эмоциональными. Но когда он был почти уверен в успехе ее обращения, произошло неожиданное.

Девушка сорвала с себя маску стыда. Она встала и рассмеялась во весь голос, насмехаясь над Евангелием, миссионером и добрым Господом.

Наш «отец» был слишком «взволнован», чтобы это терпеть, поэтому он отреагировал так, что позже пожалел об этом.

Видя, как жестоко с ним обошлись, он схватил её за талию, бросил на кровать и попытался задушить. Она, естественно, закричала, и её крики привлекли внимание охранника, который был крайне поражен таким зрелищем.

Девушка сказала, что монах пришёл к ней как клиент, но когда она отказалась обслуживать, он начал её избивать. Ей поверили, и в тот же вечер монаха отправили к государственному секретарю, который отчитал его, настойчиво умоляя никогда больше не вмешиваться в воспитание бедных венецианских девушек. Он сказал ему, что, поскольку у него есть миссия на Востоке, он должен сосредоточиться на её осуществлении там.

Это дело закончилось так, тихо и без скандала, учитывая благоразумие, проявленное самим секретарем.

Кто же на самом деле был прав?

Трудно сказать. Боэтти никогда не был против женских прелестей, даже если в определённый период своей жизни он настаивал на том, чтобы изображать себя святым.

В конце концов он отправился на Кипр. Там он пробыл два месяца, углубляя изучение греческого языка.

К сожалению, не найдя места на корабле, он был вынужден за свой счет оплатить переправу в Латакию (ранее Лаодикея) в Малой Азии. Греческие моряки обогнули остров до мыса Святого Андрея. Затем шторм вынудил их высадиться на берег и укрыться в рыбацкой хижине. Все они спали вместе той ночью, но, пока пьемонтский монах храпел, его бросили на том самом пляже те, кому он уже заплатил заранее.

Поэтому ему пришлось добираться до порта отправления, где через французского консула он нашел способ продолжить свой путь в Турцию. К сожалению, как только он ступил на землю этой экзотической страны, его мужественная красота сразу же была оценена турецким таможенником.

Как известно, классическая греческая культура и турецкая культура (в некотором смысле ее наследница) считали гомосексуализм терпимым; более того, он даже поощрялся в рядах армии, поскольку было замечено, что солдаты, которые были влюблены друг в друга, лучше защищали себя в бою, всегда помогая друг другу.

Естественно, наш миссионер совершенно не знал и не ценил эти «турецкие обычаи»...

Его резкий отказ от предложений сразу же дорого ему обошелся, потому что таможенник пришел в ярость и бросил его перед «кади», местным судьей, обвинив в богохульстве против Мухаммеда.

К счастью, аль-Накиб, командующий «зеленоголовыми», который, очевидно, хорошо знал «дурную привычку» обвинителя, сжалился над итальянцем и заступился за него, спасая от костра, на который он непременно был бы обречен.

Важно отметить, что ни один из авторов, которые ранее описывали приключения Боэтти, не решил углубиться в эту тему.

Этот эпизод был описан. Только Д'Анкона ограничился тем, что назвал гомосексуалиста «негодяем». Респектабельность XIX века диктовала, что подобные темы обсуждать не следует, в то время как «Хроника» была предельно ясна: «Таможенный офицер увидел в нем красивого и привлекательного юношу и стал ухаживать за ним, получив такое сильное и дерзкое сопротивление, что ему пришлось отпустить его».

После этого крайне неприятного инцидента Боэтти отправился в Алеппо, Сирия.

Он присоединился к небольшому каравану, но во время остановки на полпути доминиканец решил подойти к костру и сварить себе кофе. У него было все необходимое: он поставил воду кипятить и достал кофе и сахар.

К несчастью, в караване также были солдаты (точнее, янычары), и один из них грубо подошел и украл драгоценный сахар Боэтти.

Монах, не привыкший молчать или подставлять другую щеку (несмотря на свои проповеди), набросился на турецкого солдата и сбил его с ног, оглушив ударами кулаков. Завязалась всеобщая драка, в которой янычар был щедро отомщен своими товарищами.

После того как ярость утихла, монах продолжил свой путь и достиг места назначения один. В Алеппо он прожил с францисканскими монахами пять месяцев, прежде чем найти новый караван на Мосул.

Тем временем, обладая страстью к языкам и способностями к ним, он посвятил себя изучению арабского языка, которым в совершенстве овладел.

Христиане Алеппо очень любили доминиканцев; поэтому верующие оказали ему теплый прием, что вызвало зависть у местных францисканцев. Затем они стали уговаривать его уехать, но он, уже хорошо освоившийся, казалось, игнорировал их. Тем временем проповедник, говоривший с кафедры с необычайным пылом, привлекал в церковь все больше верующих, зажигая пламя в своих слушателях.

И некоторых верующих (женщин), должно быть, поразили не только его слова...

В самом деле, манеры и стиль пьемонтского доминиканца заставили многих из них влюбиться. Одна из них, в частности, представительница одной из самых богатых и влиятельных греко-католических семей города, недвусмысленно добивалась его расположения, ища любой предлог для встречи.

В своем дневнике отец Бозетти умолчал о продолжении этого приключения, но «Хроника» предполагает, что он упал ей в объятия, вспоминая, что затем покинул город, нагруженный великолепными дарами от этой дамы.

В Алеппо, чтобы продолжить путь в Мосул, ему впервые пришлось надеть левантийскую одежду. Таким образом, он присоединился к каравану, направлявшемуся в Мердин, в Месопотамии, и через два дня после отъезда прибыл в небольшой город Биреджик на Евфрате. Местный губернатор, узнав, что в караване находится европеец, и поскольку среди «неверных» того времени было распространено убеждение, что все западные люди — врачи, послал за ним, чтобы тот вылечил его дочь, которая болела уже некоторое время.

Бозетти, который был еще в курсе дела, быстро прибыл: он провел первичный осмотр и назначил лекарства, которые хорошо помогли. Доминиканец хотел и верил, что сможет продолжить свой путь с только что покинувшим караваном, но отец девушки воспрепятствовал ему, умоляя остаться во дворце.

Дочь воспылала сильной страстью к католическому священнику и хотела его себе, восхищаясь его красотой и глубиной души.

Мы знаем, что во время выздоровления они говорили абсолютно обо всем, даже о политических вопросах! И молодая женщина доверилась своему отцу, который решил любой ценой удержать западного человека, чтобы тот женился на его дочери. Самым большим препятствием было различие в их вероисповедании, и губернатор пытался разрешить его обманом. Поскольку доминиканец настойчиво просил об отъезде, он заключил его в тюрьму на основании показаний, данных перед «кади» (судьёй), троицы, которая утверждала, что ясно слышала, как он заявлял о своём желании принять ислам.

Бозетти даже не рассматривал этот вариант, но после девяти дней заключения, чтобы добиться освобождения, он притворился, что согласен: только тогда он мог вернуться и начать заниматься медицинской практикой. В этом качестве он всегда спешил, объезжая город, потому что все хотели с ним посоветоваться, а тем временем продолжал жить в доме губернатора, который всегда старался сделать его пребывание приятным, проявляя всяческую доброту.

Но Джованни Баттиста думал только о побеге!

Однажды, оседлав великолепного арабского коня, он притворился, что едет на прогулку, но вместо этого бежал в Антаб, небольшой городок на Евфрате, в трёх днях пути. Там он продал всё ценное и спрятался. Желая добраться до Орфы, но вынужденный снова проехать через Биреджик, он переоделся в бедного

армянина и предложил себя в качестве слуги возчику этой национальности. Таким образом, никто не счел нужным уделить ему внимание.

Я понимаю, почему его считали нищим попрошайкой, хотя он был поистине странным попрошайкой... набитым деньгами!

Таким образом, переодевшись, он прошел через караван-лагерь за городом Биреджик, где губернатор никогда бы его не искал. Он даже не остановился в Орфе, куда прибыл после трехдневного перехода. Здесь, на самом деле, янычарский гарнизон восстал против местного паши. Вместо этого он был вынужден провести шестнадцать дней в Гармусе, армянской деревне и доме своего временного работодателя. Это должно было быть мирное место, но Боэтти повсюду сталкивался с приключениями... и, почти всегда женского рода!

Жара и скука измотали пьемонтского доминиканца, который хотел искупаться в реке в чем мать родила. Он оставил свою одежду на пустынном берегу прекрасного сада и не заметил, как через некоторое время дочери хозяина украли ее в шутку. К тому моменту, когда он понял, что происходит, было уже слишком поздно: две девушки уже убежали!

Но Боэтти не терял надежды. Он вынырнул из воды голым и погнался за ними, быстро настигнув их. Однако, оказавшись в его власти, они начали кричать, и все его родственники бросились к нему, преподав монаху хороший урок. В конце концов, ему удалось вернуть свою одежду и уйти.

После этого он был очень рад отправиться в Мердин с отрядом из двадцати рыцарей... пятидневное путешествие через пустыню!

В этом городе он остановился у босоногих кармелитов местной миссии, которые не только хорошо к нему относились, но даже давали ему деньги.

Еще семь дней, и он достиг Мосула, не без того, чтобы быть полностью ограбленным арабскими налетчиками, в двух днях пути от города Нисибис.

Отец Ланца, старый миссионер, который тогда руководил «домом доминиканцев» в Мосуле, принял его несколько грубо, без особой вежливости, как будто он был послушником. Они не понравились друг другу, или, по крайней мере, Боэтти не понравился Ланца, который в своем дневнике обвинил его в том, что тот оставил его без средств и уехал в Италию.

Однако автор отчета решительно защищает отца Ланцу от обвинений, указывая на то, что старик оставил новому настоятелю хорошо обставленный дом, с достаточной суммой денег и провизией на долгое время. Он также пытался дать ему все необходимые указания для надлежащего управления домом, но Боэтти их не оценил.

В отчете также отмечается, как с самого начала возникла зависть к новоприбывшему монаху, который начал доминировать, хотя и законно.

Оказывая помощь тяжелобольному турку, который был близким другом доминиканцев, тот склонил голову перед своей дочерью и умер. Девочка начала кричать, вызвала полицию и открыто обвинила монаха в отравлении. Боэтти сначала заключили в тюрьму, затем приговорили к пятидесяти ударам по подошвам ног, а потом сослали. Он даже не успел собрать вещи, когда жители Мосула разграбили миссию.

Затем он бежал в Курдистан, в Амадию, в княжество Захо. Однако в этом городе беды не закончились; казалось, монах нес с собой проклятие.

Поначалу монах, который дал ему убежище и был частью «мосульской миссии», скрывал свою зависть и дружбу, проявляя к нему доброту. Но он питал глубокую обиду, полагая, что Боэтти в другом городе подорвал его авторитет, незаслуженно заняв более высокое положение вместо него. Гостеприимство длилось три месяца. За это время гость имел возможность написать в Рим и Константинополь, чтобы получить фирман (указ) от Порты, разрешающий ему вернуться к своей миссии.

Князь Амадии также оказал ему все почести, пожертвовав ему церковь несториан для использования католиками этой земли. Но поскольку их было немного, Боэтти предпочел доверить приход другому священнику, специально вызванному из Мосула. Князь отпустил его, и он отправился в Персию, где надеялся найти других миссионеров своего ордена. Он объездил всю страну, но не нашел ни одного монаха. По этой причине он вернулся в Захо, где спустя некоторое время получил долгожданный фирман от Высокой Порты Стамбула, разрешающий ему без промедления вернуться в Мосул. Но доминиканский монах из Монферрато не учёл пашу города, который счёл его возвращение настоящим оскорблением. По этой причине он приказал шестидесяти всадникам напасть на него в Телькефе, большом селе в трех лигах от Мосула. Он защищался, как лев, но упал на землю, словно мертвый, весь в ранах. К счастью, всадники, увидев его в таком состоянии, без сознания, ушли.

Жители деревни, поняв, что он жив, отнесли к нему как к мученику: они оказали ему помощь и отвезли в Пиос, другую деревню в четырех лигах от Телькефа, но находившуюся под юрисдикцией бея Амадии. Раненому потребовалось три месяца, чтобы оправиться. После выздоровления он переехал в столицу, намереваясь остаться там надолго.

Именно в Амадии, сблизившись с доверенным лицом паши Мосула, он благодаря ему добился компромисса и разрешения вернуться на свое место.

В знак примирения тот же паша, который ранее желал ему смерти, подарил ему великолепную меховую шубу.

С этого момента отец Боэтти получил его согласие на осуществление своей миссионерской деятельности среди местных католиков. Но политика и женщины вскоре снова стали причиной проблем пьемонтского монаха.

В то время несторианский патриарх, тогда ещё раскольник, примирился с Римом и послал своего племянника (и назначенного преемника) в Багдад, чтобы тот исповедал свою веру перед латинским епископом, монсеньором Байе, который также был французским консулом и личным врачом паши Багдада.

Боэтти вмешался, утверждая, что исповедание веры было совершено не по правилам, и поэтому воспрепятствовал священнику, недавно вернувшемуся из Багдада, совершать богослужения в католических церквях Мосула.

Возник ожесточённый конфликт с монсеньором Байе. Все, или почти все, католики встали против отца Боэтти, обвиняемого в чрезмерной «требовательности» по отношению к несторианскому патриарху. Нам неизвестны скрытые мотивы такого поведения, но легко понять, что после обращения самого патриарха именно он, а не настоятель доминиканцев, отныне стал бы высшей католической властью в Мосуле.

Доминиканский монах Гарцони, завистливый старец, который радушно принял его в Амадии, а теперь находился в Мосуле, остановившись у несториан, открыто встал на сторону против Боэтти. Таким образом, у доминиканского настоятеля больше не осталось друзей!

И как раз в этот момент произошло нечто, что сыграло против него: старшая дочь самого знатного несторианского лорда Мосула забеременела и попросила отца Боэтти помочь ей сделать аборт. Монах, поскольку это противоречило доктрине Католической Церкви, категорически отказал.

Тем временем, поскольку ее живот заметно увеличился, ее родители почти сразу же заметили ситуацию и даже попросили пьемонтского монаха решительно вмешаться.

Джованни Баттиста продолжал отказывать, не подозревая о последствиях...

Отец Гарцони вынашивал настоящий план, чтобы окончательно избавиться от человека, которого он теперь считал настоящим противником.

Родители девушки согласились поддержать его. Гарцони написал в Рим, приписав отцовство Боэтти. Он также сообщил о событиях местному паше, который приказал Джованни Баттисте немедленно покинуть город и вернуться на Запад. Но Джованни Баттиста, почувствовав заговор, не стал ждать этого последнего приказа и, пройдя Месопотамию и Сирию, отплыл из Александретты в Рим. Ему пришлось пройти через Марсель, где он провел «карантин», предназначенный для моряков; он написал подробное письмо, которое, возможно, до

сих пор хранится в архивах доминиканцев, с просьбой разрешить ему выступить перед конгрегацией «De propaganda fide» (Достоверная пропаганда).

Ответа он не получил!

Он снова написал кардиналу Кастелли, главе конгрегации, сообщив ему о своем намерении отправиться в Ливорно, затем во Флоренцию, а оттуда в Рим.

Но прямо во Флоренции он получил приказ от кардинала и генерального доминиканца вернуться в свой монастырь, не предпринимая никаких дальнейших действий. Удрученный, он отправился в Пьяццано и провел всю зиму в доме своего отца, сохранив заостренную бороду, модную на Леванте. Его родственники, естественно, приняли его совсем не радушно и насмеялись над его странной восточной внешностью. С каждым отъездом почтового курьера Джованни Баттиста отправлял новые обращения в Рим, но безрезультатно, поскольку его старый враг, отец Ланца, ставший очень важным человеком в церковной иерархии, уже вовсю боролся против него там. Потеряв всякую надежду, пьемонтский доминиканец написал последнее письмо, сообщив, что снова отправится в Мосул. Не теряя времени, он отправился в Геную, а оттуда в Марсель, откуда сел на корабль, направлявшийся в Александретту. Прибыв в Алеппо, он был объявлен «истинным отступником», настолько, что ему пришлось бежать, как будто его отлучили от церкви. Затем он скрывался в кармелитском монастыре, пока не нашел караван, направлявшийся в Мосул.

При первой же возможности, когда паша Триполи (переведённый на свой пост в Орфу) проезжал через Алеппо, Боэтти предложил себя в качестве его личного врача. Его приняли, и он уехал.

Таким образом, он подружился с братьями паши Мухаммеда Бея, с которыми у него сложились настолько крепкие связи, что, прибыв в Орфу, он получил в своё распоряжение церкви этого города, где и осуществлял свою истинную миссионерскую деятельность.

Но в конце концов, в Алеппо из Рима пришли письма против него, которые были переданы другим церквям на территории, контролируемой неверными. С тех пор католики избегали его, но не яковиты; напротив, они относились к нему с таким уважением, что избрали его епископом, и Боэтти немедленно принял эту должность!

В этот момент он написал в Мосул, чтобы узнать, примут ли его там, но получил крайне враждебные ответы.

Поэтому он решил остаться в Орфе, продолжая миссионерскую работу в окрестностях. И он преуспел настолько, что объединил яковитскую и католическую церкви в одну.

Весь город обожал его не только за его мягкость и мудрость в медицинской практике, но и за его способность демонстрировать бескорыстие к материальным благам. На самом деле, он любил почести больше денег, но обладал талантом хорошего администратора, и поэтому паша Орфы охотно назначил его своим казначеем и секретарем.

Таким образом, Джованни Баттиста считал, что наконец-то устроился... но он очень ошибался!

Когда паша впал в немилость Порты, его взяли в плен и отвезли в крепость Сива в Армении. Его двор раскололся на две фракции. И именно потому, что он опасался надвигающихся конфликтов, Боэтти решил немедленно отправиться в Мосул.

К сожалению, по всей Месопотамии свирепствовала чума: в Мердине от нее умерли два кармелита, которые ранее принимали его у себя. Поэтому казалось, что лучше сменить место жительства. И подданный короля Сардинии нашел его в Константинополе, столице Османской империи.

Он покинул Мердин и, пройдя через Диарбекир (резиденцию несторианско-католического патриарха Мана Иосифа), вернулся в Алеппо, а оттуда — в Александретту, где попытался сесть на корабль. Не сумев этого сделать, он продолжил путь пешком до Александрии. Он сел на английский корабль, направлявшийся в Стамбул, где поселился в районе Дженни-Хан.

Он немедленно навестил французского посла, латинского епископа и доминиканских монахов: все они пообещали помочь ему и написали в Рим, но Рим остался непреклонен, повторив свой приказ вернуться в Италию, в его монастырь.

Это его не обрадовало. Понимая, что посол замышляет заставить его отправиться на Запад, он уехал, не оставив адреса.

Он пробыл в Стамбуле двадцать восемь месяцев и к тому времени в совершенстве владел турецким и персидским языками. Под именем «Паффлис» он занимался медицинской практикой в городе и зарабатывал немалые деньги, но четыреста золотых кошельков, которые он привёз с собой при отъезде, вряд ли были результатом честного труда. Больше ничего не известно, кроме того, что он имел доступ в дом Джасги Эффенди, секретаря султана Мустафы, где проводил химические эксперименты и где этот человек пользовался его большим уважением. Ещё один факт, упомянутый в Хронике, заключается в том, что жена камергера Порты, «капиджи-баски», влюбилась в него. Её муж, по-видимому, был в командировке, и женщина, некоторое время болевшая, вызвала Джован Батисту в качестве врача, пока её муж ещё находился в Стамбуле. Паффлис вылечил её кровопусканием, но при этом повредил сердце женщины. Достоверные свидетельства указывают на то, что доктор не вернулся в дом после возвращения камергера, но к нему пришла его возлюбленная, которая сама подарила ему три золотых слитка стоимостью пятьсот пиастров, а также женский пояс, усыпанный драгоценными камнями. Это должно было удержать его там, но имело обратный эффект...

Боэтти отправился в Трабзон, где встретил Хагги Али-пашу, с которым впоследствии часто встречался. Переодевшись армянином, он прибыл в Грузию: изучил то, что счел полезным, затем добрался до Еревана и перебрался в Персию.

Покинув Стамбул, он отказался от всякой надежды на помощь из Италии. В Дамаске его арестовали за составление плана города. Его подозревали в шпионаже в пользу России, но он защищался, объявляя себя персидским армянином. Его освободили только после внесения очень большого залога.

Но как объяснить такое количество наблюдений и рисунков? Хотел ли он просто написать книгу или преследовал какие-то военные цели? У него были тайные соглашения... и с кем?

Никто никогда не сможет развеять эти наши сомнения.

В конце концов, устав от скитаний, он задумался о том, чтобы уйти в Италию, где хотел стать светским священником. Он отправился в Смирну, а оттуда, после путешествия по греческому архипелагу, добрался до Микен и сел на греческое судно, направлявшееся в Ливорно. Дождавшись окончания карантина, всё ещё в левантской одежде, он отправился в Рим. Сначала он посетил древние руины, а затем предстал перед папской аудиенцией.

Сколько всего он планировал сказать папе Пию VI Браски! Он хотел попросить прощения, возобновить обеты послушания своим начальникам, искупить свою вину.

Король...

Но вид понтифика заставил его дрожать, заикаться и отступать: он потерял уверенность и бежал из этого города.

Пять месяцев он оставался в Неаполе, где у него были друзья, и его покровители тщетно пытались получить хотя бы малейшее одобрение от церковной иерархии. Он покинул и этот город и снова проехал через Рим, на этот раз направляясь в Триест, а оттуда — в Вену. Там он получил письмо о помиловании от генерала своего ордена, требующее от него поступить в монастырь. Это был 1782 год. На этот раз Джован Баттиста подчинился, но монашеская ряса теперь была для него слишком строга. Преувеличенный страх наказания со стороны братьев, которые должны были заставить его заплатить за прошлые поступки, заставил его покинуть Австрию и отправиться в Савойские государства, мечтая стать священником, но так и не получив разрешения. Его приняли в монастырь Трино Верчеллезе, недалеко от его дома, где он проявил себя образцовым монахом и оставался там более года, всегда презираемый и без малейших признаков реабилитации со стороны Рима.

Как объяснить такую холодность по отношению к нему?

Хроника не раскрывает этого, но мы знаем, что он был трудным, энергичным человеком, и что к нему всегда относились с большой ревностью. Более того, хотя в своей келье он превратился в благочестивого аскета, кажется, что, как только он поднимался на кафедру, он преображался и в своем ораторском рвении часто выходил за рамки общепринятого священного красноречия.

В мемуарах Боэтти, на основе которых, как мы уже говорили, была написана упомянутая выше «Стамбульская хроника», но которые были пересказаны Доном Дамонте, опиравшимся на устную традицию Пьяццано и упомянутым также в лекции Гагны, описывается эпизод проповеди, превратившей неф церкви в настоящий «круг». Согласно рассказу, однажды в прошлом году в монастыре проповедовал брат Джованни Баттиста. Аудитория была довольно многочисленной и взволнованной, и брат из Пьяццано, отказавшись от обычной панегирической речи, которую он должен был произнести в честь святого, почитаемого в тот день, предался описанию совершенно других образов. Используя гиперболический язык и умело завораживая слушателей, он материализовал восточные пейзажи, закаты, огненные горизонты пустыни, чувственные сцены... Слушатели смотрели на него с восхищением, пораженные произнесенными словами и тронутые экстатической речью доминиканского монаха. Но когда Боэтти сошел с кафедры, перед ним предстал настоятель, строго упрекнув его в том, что проповедь «отдает ересью». Джован Баттиста, все еще возбужденный тем, что он вызвал, ответил на обвинение внезапным всплеском гнева и набросился на другого монаха. И это действительно могло бы обернуться настоящим хаосом, если бы не вмешательство некоторых из присутствующих верующих.

У него было бы предостаточно времени, чтобы снова бросить свою пагубную привычку и путешествовать по миру, посещая города, изучая арсеналы, ведя переговоры о крупных закупках с оружейными заводами...

В течение того года, проведенного в Турине, ему посчастливилось познакомиться с министром Савойской империи и, через него, с самим монархом, королем Сардинии, который даже поручил ему работу по некоторым делам, но, как он утверждал, не вознаградил его должным образом.

Более того, эта высокопоставленная защита была недолгой, поскольку ни министру, ни королю не удалось убедить Рим сделать шаг к примирению с доминиканцем.

У него не было другого выбора, кроме как вернуться к авантюризму!

Homo viator

Я намеренно опустил все подробности, рассказывая о ранних приключениях Боэтти, стремясь подчеркнуть, как это сделала «Хроника», его неугомонность и «вечное движение».

Он был исключением, подтверждающим правило, что его соотечественники были «*bogia nen*» (неподвижны).

Путешествия в его время были трудными, но не невозможными, и он сам это доказал.

«Дайте мне крепкое здоровье, новую пару обуви, и я объеду для вас весь мир!» — говорил некий Антонио де Куртис, он же Тото.

И наш монах показывает нам, что это не просто шутка, а действенный принцип.

Конечно, его путешествия не были туристическими; на самом деле, если бы он услышал современные слоганы туристических агентств вроде «Везде как дома!», он, вероятно, не сдвинулся бы с места.

Начиная с Контрреформации, Католическая Церковь уделяла огромное внимание апостольству, осуществляя, например, тщательную пропаганду, направленную на поощрение верующих к совершению «привилегированных» путешествий, совершаемых в добродетели. Миссионерский статус позволял тем, кто его обладал, встречаться с влиятельными людьми мира. Он был зарезервирован только для умных молодых людей из хороших семей, при условии, что они соглашались пройти чрезвычайно интенсивное предварительное обучение. Те, кто был направлен представлять Католическую Церковь в мире, должны были обладать не только глубокими богословскими знаниями, но и... культурным наследием выше среднего уровня. В число учебных заведений входили академии, которые, в дополнение к этому, обучали рисованию, каллиграфии, географии, перспективе, фортификации, гражданской архитектуре и арифметике. Некоторые из этих курсов посещал Джован Баттиста в Ферраре. Он, безусловно, знал рисование и фортификацию, как мы уже видели. Рисование занимало приоритетное положение по сравнению с другими искусствами благодаря трактатам XVI века, принятым Церковью и закрепленным трактатом кардинала Габриэле Палеотти («Рассуждение о священных и мирских образах», опубликованным в Болонье в 1582 году).

Несколькими десятилетиями ранее, а именно в 1563 году, Тридентский декрет о священных образах, принятый 3 декабря, также стал необходим для противодействия кальвинистскому иконоборчеству, но он также хорошо отвечал миссионерским потребностям в столь же иконоборческих исламских странах и даже среди исламизированных восточно-христианских народов, таких как грузины.

Учение святого Григория Великого было возрождено, поскольку он утверждал, что *Quod Legentibus scriptura, vos et idiotis praestat pictura* (живопись выполняет ту же функцию среди невежественных, что и письмо среди образованных).

Другим важным фактом было то, что Бозетти обладал некоторыми основами медицины, полученными в Туринском университете, которые он усовершенствовал в ходе последующих чтений, когда понял, что их можно включить в культурный багаж миссионера. И вокруг фигуры «нового героя-миссионера» — *homo viator* — на протяжении двух столетий создавался современный миф, который теперь по праву принадлежит коллективному воображению. Он излучал глубокое духовное влияние. Из периодических отчетов религиозных деятелей, работающих среди далеких и разных народов (публикуемых и широко распространяемых, в том числе для вдохновения и руководства приверженностью), католики могли черпать назидательный вклад, который подпитывал желание взяться за это дело.

А в церквях фрески, впечатляющие своей жестокостью повествований, эффектно изображали мученичество и пытки, преследования и победоносную смерть тех, кто осмеливался вторгнуться в земли «неверных». В Риме

достаточно было войти в Сант-Аполлинаре, Сант-Андреа-аль-Квиринале, Санто-Стефано-Ротондо или Сан-Витале-пер-Витале, чтобы увидеть это наглядно. И на протяжении веков его влияние на молодежь было настолько сильным, что превращало некоторых юношей в настоящих фанатиков.

Например, Кристофоро Кастелли, театинский священник из Грузии, писал в прошлом веке: «...я прекрасно знал, что меня четвертуют и оскорбят за любовь к нему и к святой вере, и я никогда не буду доволен, если не умру этой смертью». Но, к сожалению для него, мы знаем, что он вернулся домой целым и невредимым.

Однако подобного фанатизма Джованни Баттиста Бозетти не проявлял ни на мгновение. Мы видим в нем огромную любовь ко всему чужому, словно он пытался воплотить в жизнь евангельский принцип, учащий нас «искать Иисуса не среди знакомых, но среди странников» (Лука 2:44).

Он любил не только путешествовать по окрестностям, но и общаться с людьми, стремясь понять их, сблизиться с их культурой, чтобы добиться большего признания.

Перед его отъездом коллегия кардиналов «Пропаганды веры» и его доминиканские соратники рекомендовали ему, как и всем остальным, «тщательно записывать и отмечать все», в соответствии с форматом отчетности, который позволил бы священнику предоставить высшим звеньям церковной иерархии максимально полную картину проделанной им работы.

Этот обычай взаимоотношений между периферией и центром теперь прочно укоренился в миссионерской сфере, настолько, что отчеты, как правило, должны были публиковаться ежегодно. Но Бозетти писал не столько от имени других, сколько для себя, так же, как, в конечном счете, путешествовал для себя.

От монаха до пророка

И вот наш Джованни Баттиста снова в пути!

Сначала в Ниццу, затем в Аликанте в Испании, потом в Кадис и, наконец, в Англию, где он пробыл шестнадцать дней.

Затем последовали Гамбург и Санкт-Петербург (новая столица империи всея Руси). Именно отсюда он возобновил свои просьбы к Риму, ссылаясь на те же причины. Четыре месяца он тщетно ждал ответа.

Затем он попросил князя Потемкина о работе, но тот отказался взять его на службу.

В этот момент он решил переехать в Москву, и оттуда, пройдя через Казань и Астрахань, добрался до Персии, много путешествуя и заводя много друзей. После Грузии и Крыма он отправился в Польшу, затем в Коксим и, наконец, вернулся в Стамбул.

Автор летописи утверждает, что встречался с ним в то время в Константинополе: «Мы все, — пишет он, — видели его здесь. Он человек великого духа; всегда занятой и с видом мечтателя; он проезжал через Перу и Галату всего два или три раза, проживая в Шкодере с богатым человеком».

«Персидский купец. Он внезапно исчез, вернувшись через шесть месяцев, и известно, что он потратил около трехсот кошельков на боеприпасы и оружие, которые он контрабандой, переправляя через Черное море, доставлял в Синоп...».

Какие планы у Боэтти? Возможно, он готовится к военной экспедиции, или он международный торговец оружием? И кто автор «Хроники», знающий эти факты? И почему его интересуют закупки оружия Боэтти? Откуда он знает потраченную сумму? Возможно, за Боэтти следит французский посол... Возможно, предложение, начинающееся со слов «Не все...», относится к членам западного дипломатического сообщества...

Но откуда у него взялись деньги на эти покупки?

Тайна остается окутанной тайной...

«Хроника» добавляет, что он заплатил трем европейцам, чтобы они последовали за ним на Восток, и что он отправился с караваном в Эрзерум в сопровождении своего хозяина, но затем перс отделился там, отправившись один в Багдад. Вскоре после этого трое европейцев покинули Стамбул. Боэтти добрался до Персии, поселившись в небольшой деревне недалеко от Амадана, где он уединился в своем доме на девяносто шесть дней. Именно во время этого уединения он решил предпринять следующее приключение: объявить себя «пророком» перед местными мусульманами. Он, безусловно, умел быть красноречивым, мечтательным и мистическим в своих проповедях. И он использовал свое обаяние, свое успокаивающее, всегда безмятежное лицо, которое излучало спокойствие и скромность, несмотря на то, что было отнюдь не «скромным»!

Эти внешние данные сразу же обеспечили ему большой круг последователей. Он говорил с верующими ислама, заявляя, что «хочет исправить злоупотребления, внесенные в религию». Он проявил себя как великий психолог. Он понимал менталитет этих людей и говорил им то, что они хотели услышать! Он понимал их сильную внутреннюю религиозность и тот факт, что они возмущались определенными злоупотреблениями и абсурдными ограничениями, налагаемыми властью имущими во имя ислама.

После своего уединения он говорил только о рае, поклонении и религиозных злоупотреблениях. Он делал это, плача и дрожа от ужаса, сумев тронуть души всё большего числа людей. Многие слушали, словно ошеломлённые, и именно толпа провозгласила его «пророком».

Его слава ещё больше укрепилась благодаря некоторым физическим испытаниям, которые пережил Боэтти. Но они, конечно, мало чем отличались от того, что мы видим сегодня по телевидению, например, «хождение

по раскалённым углям» или какой-нибудь тщательно продуманный фокус, разыгранный перед аудиторией, столь склонной верить и гораздо менее искушённой, чем сегодня.

В конце концов, его подвиги дошли до хана Амадана, который приказал привести его к себе. И здесь он совершил настоящий шедевр хитрости.

«Что всё больше подтверждало правоту хана, — говорится в летописи, — так это то, что пророк мог держать в руке горящий уголь, не обжигаясь. Более того, поскольку хан, увидев его в бедности, дал ему десять серебряных рупий, пророк принял их с презрительной улыбкой, покачав головой, и бросил в огонь. Затем он поклонился с загадочной улыбкой, пробормотав несколько слов в сторону жаровни. Он не взял их, а уже собирался встать и уйти, но хан снова умолял его принять их. Тогда он, вдохновлённый, ответил, что Всевышнему не нужно серебро, чтобы претендовать на свои права на землю. Но, выйдя из тронного зала, вместо золотых рупий были найдены десять золотых. Тогда его погнались за ним, чтобы вернуть: прошло меньше шести минут с тех пор, как он ушёл, но никто не смог его найти. И это окончательно подтвердило его святость.

Как настоящий шарлатан... вот как он себя вёл!

И сколько шарлатанов он видел на площадях Запада и Востока, чтобы вдохновиться?

Один из них был в Турине и всегда открывал лавку на площади Каstellо, продавая «эликсиры долголетия». Рядом с ним стоял маленький китаец в восточной одежде. Пока люди смотрели на этого странного маленького человека с миндалевидными глазами, «шарлатан» затевал всякие шалости...

Толпа всегда была большой и красочной. У многих были восторженные лица. В конце корзина с чудодейственными бутылочками всегда была пуста: «Покупайте, покупайте, добрые люди, и вы излечитесь от цианоза, ревматизма, атрофии, водянки и... будьте осторожны, выпейте это, прежде чем оно превратится в мочу... потому что эта чудодейственная жидкость может сделать все, кроме как вывести жидкость из тела, уже полного жидкости, гнилостных процессов, гнилостных процессов...»

«Как красиво он говорит!», — говорили простые люди. «Звучит как печатная книга!»

Vulgus vult decipi... ergo, decipiatur! (Люди хотят быть обманутыми... поэтому мы их возьмем!), — добавил продавец, а китаец даже не смог справиться с требованиями. Юристы в черных мантиях от души рассмеялись.

Но Боэтти хотел продать гораздо больше, чем простой «эликсир». Идея, которая должна была воспламенить Восток и, возможно, даже Запад, чтобы слить их воедино в нечто большее. Своего рода иллюзорная мечта...

В конце концов, разве Александр Великий не мечтал? А Юлий Цезарь, Карл Великий, Наполеон или Ленин?

Боэтти стремился стать «великим человеком», тем, кого будут помнить столетиями.

Прибыв в выбранную им деревню, он забрался на ствол дерева и там объявил толпе, что навсегда исчезнет из их поля зрения, поскольку «правильное время» еще не настало, время, когда люди поймут волю Божию, переданную «в прямом эфире» его «посланникам» на земле.

Люди отреагировали настоящим бунтом и поставили часовых у его дверей. Несмотря на это, ему удалось исчезнуть в ночи. Его искали повсюду! Хитроумно пророк «появился» в Трабзоне сорок дней спустя. «Известно, — говорится в летописи, — что у него были долгие беседы с пашой этого города». Оттуда он пешком отправился в город Гюмюс-Кана (в Армении), затем сел на осла и вернулся в Персию, в свою небольшую деревню недалеко от Амадана.

Его встретили с большими торжествами, но он был ещё более рассеян, чем обычно. Его мысли, как говорится, были где-то в другом месте!

Он девять дней хранил абсолютное молчание, а затем решил публично объявить о своей «миссии».

Число его учеников росло. Очень богатый и влиятельный человек предложил ему руку своей дочери, но он отказался, приняв лишь «большой дар».

Считая себя на пике своей славы, по крайней мере, в тех краях, он полагал, что настало время поднять своё знамя с большими церемониями. Он обладал глубоким пониманием Востока и, возможно, думал, что сможет подражать Мухаммеду, не становясь его последователем, как мы увидим далее.

Он всем сказал, что его задача — отправиться в Стамбул, чтобы посадить на трон императора, верного закону Божьему.

Он покинул деревню с девяносто семью решительными людьми, продвигаясь к османским границам. Некоторые «аги» объединили силы, чтобы разгромить его, но каждый раз выходили из боя побежденными! Всего через двадцать восемь дней число его последователей достигло 2742, и он провел смотр на территории города Акешка. Губернатор предпринял вылазку со своими людьми, но потерпел сокрушительное поражение. По этой причине пророк с тех пор принял титул «Аль-Мансур», что означает «Победитель».

Он не вошел в город, а продолжил путь в Эрзерум, заставив его тоже заплатить военный взнос и успешно проповедуя там свое религиозное учение. К этому времени под его командованием находилось тридцать семь тысяч вооруженных людей. Казалось, он никогда не был монахом, а скорее прусским военачальником. «И все же все это правда», — начинает неизвестный летописец.

Боэтти не был склонен к импровизации и, очевидно, долго готовил эту «легендарную» часть своей жизни. Теперь мы можем понять его прежний интерес к оружию и укреплениям.

Кто знает, какие и сколько союзов, даже простых дружеских связей, он наладил к этому эпическому моменту. Безудержное движение предыдущих лет, возможно, было направлено на достижение цели, которая заключалась не просто в завоевании какого-либо королевства, а, как мы увидим, в чем-то гораздо большем...

Однако пророк Мансур все еще не знал, какое направление выбрать и какие земли действительно можно было завоевать.

В конце концов, однако, проанализировав исторические условия отдельных территорий, он решил обратить свое внимание на Грузию. Это христианское православное государство имело сильно фрагментированную внутреннюю политическую структуру со времен Средневековья, поскольку объединение произошло между X и XII веками, и вся страна пережила краткий ренессанс при царице Тамаре (1184/1212?). Но затем город оказался втянутым в ожесточенную войну, попав в турецко-персидское окружение. Глубокое отчуждение от христианского Запада еще больше усилилось после падения Константинополя. И все же здесь миф о Колхиде оставался жив, земле, которая позже будет отождествляться с частью грузинской территории, Мингрелией или Самегрело (на местном языке). Именно в Колхиде Ясон, возглавлявший «миссию аргонатов», преодолел наложенные на него испытания, чтобы с помощью магических искусств Медеи, внучки Солнца, влюбившейся в греческого героя, получить золотое руно божественного барана. Он похитил ее и увел к себе домой, держа ее в качестве жены все время своего правления в Коринфе.

Геродот в своих «Историях» (I, 2) считал это похищение одной из причин вечной вражды между Европой и Азией, между греками и варварами.

Гораций в своем «Искусстве поэтики» (118) также использовал термин «colchus» для обозначения варвара, дикаря.

Но грузины не соглашались на такую классификацию. Более того, на протяжении веков их идентичность находилась под угрозой, поэтому они создали этноцентрические мифы, чтобы продемонстрировать своё расовое и культурное превосходство над другими народами Закавказья и соседних регионов. Таким образом, они сами подпитывали миф о Колхиде и золоте, в дополнение к уже существовавшей христианской традиции, которая прослеживала их происхождение от библейских родословных Мешеа и Тувала, сыновей Иафета, внуков Ноя. Более того, их цари утверждали, что происходят из «династии Давида».

Но Грузии так и не удалось преобразовать своё «мистическое измерение» в процесс, который, через утверждение её социальной и культурной идентичности, привёл бы к общей защите от внешней экспансионизма.

Персы, турки и русские, таким образом, создали ей серьёзные проблемы. Внутри страны малые государства, царства и княжества боролись за превосходство, разрушая всякую сплочённость и, вместе с ней, любую возможность материального развития.

Теоретически, со времён царицы Тамары существовала пирамидальная организация, согласно которой правителями всей страны были сеньоры провинции Имерети, принадлежащие к роду Брагатиони, а ниже них находились пять других княжеских семей: Якели в Самхе; Гуриели в Гурии; Дадзани в Мингрелии; Сарвасидзе в Апхазети; и Дадескалиани в Сванети.

Но в действительности каждый князь всегда был полностью автономен и не допускал централизованного вмешательства. После падения Византии духовенство, уже управляемое автокефальным патриархом, называемым «Кафоликом», пережило серьёзный упадок, настолько сильный, что в какой-то момент территория была разделена между двумя патриархами, не имевшими контактов друг с другом, и являлась единственным выражением политической власти соперничающих князей, которые распоряжались огромными религиозными наследиями.

До 1629 года шах Персии Аббас Великий проводил многочисленные военные походы в этом регионе, а в 1617 году депортировал более ста тысяч пленных.

Турки, однако, предпочитали рассматривать Грузию как обширный рабовладельческий резерв и поэтому ограничивались короткими набегами за добычей. Это объяснялось также непреодолимыми трудностями, связанными с расстояниями, количеством переходов, их продолжительностью и невозможностью временного проживания на неравномерно плодородных землях, изрезанных горами, лесами и болотами, и подверженных климатическим колебаниям, трудно переносимым иностранцами. Прежде всего, именно пространство неутомимо стояло против турок! Кроме того, жалкие условия жизни грузинского населения, подвергавшегося постоянным набегам на протяжении веков, породили печальные предания. Даже князь и патриарх Гурии занимался работорговлей в сговоре с неверными. Действительно, благодаря своему уменью торговаться, он накопил «хорошее состояние и подарки на турецкого коня: четырех или пяти детей, а также на одежду или оружие войны, и двоих на другое, более красивое»: так рассказывали католические миссионеры, прибывшие туда в первой половине XVII века. Любой, кто находился в иерархическом подчинении (женщины, старики, дети), представлял собой товар для торговли. Некий Матута Контерия даже продал свою мать, «считая это не грехом, а величайшей милостью: во-первых, потому что поездка в турецкую страну улучшает ее положение, а на вырученные деньги он облагораживал свой бедный дом и давал жене больше покоя и умиротворения». По оценкам, каждый год в Гурии продавалось или отдавалось в качестве дани от десяти до двенадцати тысяч рабов, а в Мингрелии — еще больше (пятнадцать тысяч).

Самые красивые рабыни прибывали прямо в Стамбул, где «этих работодателниц великого господина много, они разных национальностей, все красивые и преуспевающие, и некоторые используют их в качестве жен, а затем делают их великими, предоставляя им огромные полномочия и прибыль».

Но были и князья и патриархи, полные решимости изменить это позорное положение дел. В регионе на востоке страны, в Картли, князь Теймураз и патриарх Заккария в середине XVII века предприняли попытку сближения с Римом.

Захватчики, по сути, мстили за сопротивление, оказанное на этой территории, и за отсутствие сотрудничества со стороны местных правителей, сделав страну неузнаваемой, разграбив культовые сооружения, города и, прежде всего, пытаясь стереть, путем разрушения памятников, национальную идентичность.

Затем понтифик направил миссию театинских отцов, в том числе уроженца Палермо Кристофоно Кастелли, лигурийского происхождения, который прибыл в 1632 году не только как католический священник, но и как «врач, художник, инженер и наделенный... добродетелями». Он выполнил очень важную миссию в этих землях, оставив нам также прекрасные рисунки, которые сейчас хранятся в «коллекции Кастелли» муниципальной библиотеки Палермо и впервые показали западным людям облик Грузии и грузин.

Но Рим был слишком далеко. Восточные христиане были бы полезнее для современной армии со свежими войсками, чем для ученых.

Таким образом, шаткое положение страны затянулось до 1774 года, когда государство, превратившись в пережиток своего бывшего величия, стало российским протекторатом после Кайнарджийского договора, подписанного Высокой Портой и Москвой. Христианский князь Ираклий оставался во главе Грузии лишь формально.

Теперь на грузинской земле, помимо местных войск, находились также военные силы из «Третьего Рима» (как называла себя Россия), который считал себя последним хранителем «истинной христианской веры» (Православ) после падения Константинополя под натиском мусульманских турок и, еще раньше, падения Западной Римской империи под властью германцев.

Император всея Руси уже выполнял священную функцию императора Константинополя, и Ираклий должен был уважать его и в этом отношении. Конечно, всё это было лишь «теорией», потому что на практике решающее значение имела сила, а русские были сильнейшими. Теория не была бесполезной, поскольку она оправдывала «русский протекторат» над христианской Грузией, превращая каждое военное действие против мусульман в «священную войну», «крестовый поход».

Но реальные мотивы, конечно, были другими! Россия пыталась максимизировать своё влияние на юге, в ущерб Османской Турции, и последняя реагировала как могла, возможно, даже надеясь на помощь или покупая её у авантюриста, готового на всё и которому нечего терять, вроде нашего пророка из Монферрато. И Россия истолковала его нападение на Грузию как нападение Высокой Порты на имперское царское правительство и империалистическую политику Святой Руси. Бекаттини подтверждает это (**BECATTINI F., ABATE, *Istoria politica ecclesiastica e militare del secolo XVIII (dal l'anno 1750 in poi)*, vol. VII, libro XVII, pag. 68,**

Milan, 1798), написав: «Екатерина II укрепляла и расширяла свои владения не только над Крымом и Малой Тартарией, но и над всеми провинциями Азии, граничащими с одной стороны с Эвксиной (Черным морем), с другой — с Каспийским...

Эти страны, пренебрегая сельским хозяйством, остаются погруженными в глубочайшую нищету и невежество; вся их торговля состоит в бесчеловечном и столь же закоренелом обычае, практикуемом отцами семейств, продавать своих детей обоих полов сначала персам, а затем туркам для пополнения их зверинцев.

Пройдя через все вышеупомянутые страны (Грузию, Мингрелию, Имерет, и т. д.), если не подчинившись немедленно, то, по крайней мере, под влиянием русских министров, она немедленно принялась за то, чтобы заставить грузин понять жестокость и позор торговли их любимыми детьми с неверными.

Императрица не могла больше терпеть, чтобы вассальные провинции ее диадемы и народы, исповедующие те же обряды, что и она, оставались беззащитными перед варварством этих свирепых охотников на человечество, и приказала своим генералам положить конец вторжениям этих жадных соседних народов. Затем, по приказу Порты, полчища татар напали на передовые позиции грузинских протекторатов. И чтобы еще больше очаровать умы алчных, она внезапно вывела на сцену нового лидера секты, весьма искусно умевшего сбивать с толку этих ограниченных людей, с заранее продуманным планом их религиозного одурманивания.

Этого человека звали «Шейх Мансур», или «Просветлённый Пророк», — и через несколько месяцев о нём начали рассказывать фантастические вещи.

Одни утверждали, что он индийский отступник из брахманов; другие — один из приближенных Великого Ламы или Понтифика Тибета; а третьи — пьемонтский гренадер-отступник из Алжира.

Как бы этот фантастический пророк ни решил проповедовать среди татар, вскоре ему удалось разжечь в их умах яростное желание вторгаться, захватывать и грабить, побуждая их при этом верить в различные амулеты и символические знаки, которым он приписывал силу делать праведных мусульман неуязвимыми в борьбе против «гяуров», то есть последователей Христа.

Слава об этом самозванце широко распространилась по Азии и Европе, особенно в землях, орошаемых реками Кубань и Терек, где большинство этих грубых жителей преклоняли перед ним колени и Он почтительно пообещал следить за каждым его шагом.

Вскоре он оказался во главе трех тысяч отважных людей, но не солдат. Тем не менее, он собрался противостоять русским войскам, которые состояли из двадцати пехотных батальонов и десяти кавалерийских эскадронов, с огромной территорией от одного берега до другого вышеупомянутых Черного и Каспийского морей.

Частые нападения в небольших количествах значительно ослабили их, так что численность едва достигала полутысячи бойцов. У русских же, безусловно, было более восьмисот человек, ставших жертвами свирепости татар. Это должно было произойти примерно в 1785 году.

Бекаттини, конечно, работал с русскими источниками, которые исходили из того, что за Боэтти-Мансуром стоял не кто иной, как Великий Султан Стамбула. И возможно также, что между «Возвышенным» и пророком из Монферрато действительно существовали секретные соглашения, но остается несомненным, что Мансур не был ставленником турок, или, если и был, то избежал их контроля!

Скорее всего, и Порты, и пророк выгодно использовали друг друга, по крайней мере, в то время!

В другом месте Бекаттини (*BECAZZINI F., ABATE, Vita e fasti di Giuseppe II d'Austria, том III, книга VIII, стр. 173 и далее, Лугано, 1790*) еще точнее описывает мнение русских о Мансуре: «Лезги, раздраженные сопротивлением, с которым они столкнулись, а также помощью и защитой, которую враги получали от русских, направляли свои удары даже на земли, непосредственно подчиненные власти императрицы, грабя их и захватывая рабов. Двор Санкт-Петербурга приписывал все эти действия турецкому «басу» Айски, который ранее тайно, без всяких ограничений и раздумий, разжигал все эти вторжения.

На сцене появился новый глава секты, угрожавший возобновить ужасную историю религиозной войны. Его звали Шейх Мансур, что означает пророк или просвещенный Мансур». Его происхождение неясно. По этому поводу распространялось множество слухов, и чтобы не было новых вымыслов, вредных для религиозных орденов, в Италии некоторые люди писали, что лжепророк Мансур был отступником, бывшим монахом ордена Святого Доминика; таким образом, если это правда, как предполагается, ничто, согласно здравого смысла, не должно было навредить институту, который он покинул. В любом случае, став вождем окружающих татар, он пытался внушить им религиозный фанатизм и убедить их не бояться русского оружия.

В то же время он продавал им некие амулеты и обереги, которым приписывал силу делать мусульман неуязвимыми в борьбе против христиан. Слава об этом самозванце быстро распространилась среди всех татарских орд, населяющих южные берега рек Кубань и Терек, настолько, что все окружающие регионы слепо следовали его советам. Во всем этом поведении русские усмотрели руку Порты.

(По материалам) Сопоставляя записи Бекаттини с упомянутыми выше «Мемуарами», выясняется, что турецкий паша Айска (или Акеска) подстрекал лезгов против русских, но Мансур не был его союзником, по крайней мере, на начальном этапе, а врагом, настолько, что Боэтти принял титул «Победителя» или «Мстителя» только после победы над этим же пашой.

Однако возможно, что турок заключил союз с Мансуром после поражения. Это подтверждается тем фактом, что в летописи говорится, что Боэтти, после победы над турками, «не хотел входить в город, а продвинулся до

Эрзерума», прежде чем атаковать Грузию во главе нерегулярных кубанских татар. Согласно другим источникам, Мансур был не один в этих атаках.

Граф Сегюр (*SEGUR M., Mémoires ou souvenirs par M. le Comte de Ségur, volume V, pp. 129 и далее, Турин, 1829*), например, утверждает: «Когда паша Ахальзик начал войну против грузин... новый пророк по имени Мансур мобилизовал силы среди племен Кавказа, и кубанские татары объединились с лезгами и турками, чтобы вторгнуться в государства царя Имеретты».

Таким образом, сценарий реконструируется следующим образом: русские продвигались все дальше на юг, отвоевывая земли у Порты. Сначала они поработили грузин, находившихся под протекторатом султана Стамбула, затем укрепили границы. Но турки отреагировали: паша Айска подстрекал лезгов против русских, а паша Ахальзик напал на грузин.

В эту ситуацию вмешался Мансур со своими нерегулярными кубанскими татарскими войсками. Сначала Боэтти напал на турок, а затем, возможно, решил заключить с ними союз.

Почему? Никто нам никогда не расскажет.

В день сражения против смешанных грузинско-русских войск, как утверждает летопись, Мансур так яростно ругал своих солдат, что даже пришлось их сдерживать!

Затем он двинулся к Тиффлису (Тбилиси) и разделил свои войска (тридцать семь тысяч человек) на три армейских корпуса, возглавив четвёртый «летучий корпус». Но в этот момент один из его генералов захотел действовать самостоятельно, без разрешения пророка. Целью этого действия был мост: тот, кто его удержит, непременно выиграет битву!

Генерал предпринял очень опасный манёвр, который мог привести к глобальному поражению. После завершения операции он отправился к Мансуре, чтобы объяснить причины, и эмоционально их изложил.

Боэтти выслушал и рассмеялся...

Всё ещё смеясь, он приказал задушить несчастного!

Это быстрое правосудие имело большой эффект и было выгодно пророку. Мансур, проехав по полю боя, дал сигнал к атаке и двинул три армейских корпуса на врага. Они выполнили свой долг, но решающее действие четвёртого резервного корпуса, непосредственно под командованием Боэтти, привело к окончательной победе.

В разгар бойни, как мы знаем, пророк верхом на коне написал письмо на турецком языке паше Трабзона.

Был ли он его союзником? Кто знает... тайна снова закручивается!

Но была бы эта история прекрасна без небольшой загадки?

Число убитых в то время грузин оценивается в двадцать две тысячи человек, помимо десяти тысяч рабов, отправленных на стамбульский рынок. Это обстоятельство, безусловно, имеет значение.

Но Боэтти не пошёл дальше в Грузию, приняв от другого князя этой страны, князя Гурии, пожертвование в размере шестисот кошельков и трёхсот рабов, как мужчин, так и женщин.

Пророк снова разбил лагерь близ Акески (или Айски) и отправил множество гонцов. Куда они направлялись? Известен маршрут только одного из них - в Измир (Смирну): он вернулся с семьёю людьми, одетыми «по-турецки», но не знавшими ни слова на этом языке.

Кто они были? Западные специалисты? Эксперты по огнестрельному оружию? Кто знает...

Они достигли Джованн Баттисты Боэтти в Нахичевани, городе, который пророк решил не брать, чтобы не причинить вреда монахам святого Доминика, живших там.

Но разве наш искатель приключений не отрёкся от своей веры?

Новая религия

Мы только что убедились, что, хотя русские считали Боэтти мусульманским лидером, на Западе его изображали как «отступника»: человека, отказавшегося от веры Иисуса, чтобы следовать доктринам Корана.

Но это было не так!

Джованни Баттиста без колебаний использовал религию для достижения своих целей. Все мы знаем, что религия — опасная игрушка: можно увлечься ею настолько, что можно зайти слишком далеко!

Хорошо известно, что некоторые люди притворяются, но в итоге начинают верить тому, что повторяют.

Боэтти знал исламский мир. Мухаммед не приходил с заявлением о желании основать новую религию; скорее, он утверждал, что ислам — это «послушание Богу!» Бог един, а не триедин; всегда один и тот же Бог, что и у евреев и христиан. Даже планеты живут в исламе, то есть в почитании Бога, и цветы, и все люди...

Но, помимо простейших законов, которые все соблюдают, Бог хотел установить более сложные законы, специально для людей, чтобы отличать добро от зла. И эти законы должны были быть провозглашены Его пророками. Многие из них возникнут среди всех народов, но самые совершенные законы будут даны сначала пророкам Ветхого Завета, затем Иисусу, пророку, подобному другим, а не «сыну Божьему»...

В конце концов, придет Мухаммед, «печать пророков»!

План этого араба был предельно ясен: объединить все народы под единой монотеистической религией. Распространить религиозные войны повсюду, затем положить конец религиозным войнам раз и навсегда!

Грандиозный проект, трудный в реализации, но частично осуществленный. Бозэtti, очевидно, был им очарован, когда решил основать новую религию.

Долгое время христиане, сталкиваясь с мусульманами, думали, что имеют дело с простыми еретиками, не понимая, что те исповедуют другую веру, утверждающую: «Бог дал нам новые заповеди, и последние преобладают над первыми».

Точно так же долгое время христиане конфликтовали с последователями пророка Мансура, всё ещё полагая, что конфликтуют с мусульманами.

Мистический авантюрист приблизительно сформулировал своё религиозное учение, «запершись» на девяносто шесть дней в маленьком доме в Амадии, Курдистан. Он хотел создать великую монотеистическую религию, как это уже хотел сделать Мухаммед. Поэтому он начал с дискредитации мусульманских религиозных лидеров, говоря об их злоупотреблениях. Он говорил, что не может терпеть, что Всевышнему так плохо поклоняются. Он проповедовал, что до сих пор слишком много внимания уделялось внешней молитве, в то время как Бог хочет, чтобы молитва совершалась сердцем и в сердце! И ему это удалось.

В Нахичевани он специально разработал свой собственный сложный символ веры, доведя его до сведения своих последователей:

- 1) Есть только один Бог, которому следует поклоняться в духе истины. Всякое внешнее поклонение — преступление.
- 2) Этот Бог невидим; Он един, а не триедин.
- 3) Христос был праведным и святым человеком: пророком, подобным другим.
- 4) Верным полагается награда, а неверным — наказание, но Оно не может быть вечным.
- 5) Молиться и благодарить Всевышнего — постыдное преступление.
- 6) Все люди спасены, если они праведны, каждый в своей религии.
- 7) Радости Небес состоят только в вечной жизни, свободной от всякого зла.
- 8) У мира было начало, но ему никогда не будет конца.
- 9) Правители — образ Божий, когда они таковы, какими должны быть.
- 10) Прелюбоддеяние — великое преступление.
- 11) Блуд вовсе не грех.

- 12) Убийство несправедливо: Бог и люди наказывают его.
- 13) Инцест — естественное явление и вовсе не грех.
- 14) Кража — грех, когда крадут без крайней необходимости.
- 15) Крещение и обрезание — всего лишь нелепые обряды.
- 16) Обеты, данные во всех религиях, — наказуемая безрассудность.
- 17) Папа Римский и муфтий — самозванцы.
- 18) Самоубийство разрешено, если необходимо.
- 19) Нарушать своё слово и свою честь — великое зло и грех.
- 20) Расточителей, трусов и жадных следует лишить их должностей и богатства и отправить работать в поля.
- 21) Женщину, пойманную в прелюбодеянии, следует забить камнями.
- 22) Незамужняя девушка может делать со своим телом всё, что хочет: она — его хозяйка.
- 23) Предателя следует убить.
- 24) Нужно любить Бога превыше всего и ближнего своего как самого себя.

Эти двадцать четыре заповеди были зачитаны собравшейся армии, которая одним криком поклялась их соблюдать.

Это правила, заимствованные из основных монотеистических религий.

Монотеизм, проповедуемый Боэтти, столь же абсолютен, как и монотеизм Мухаммеда. Даже общий подход больше восточный, чем западный.

Таким образом, он позволяет себе создавать правила, которые хорошо принимаются новообращенными, например, правило, разрешающее инцест, широко распространенный среди этих людей.

Идея создания системы, в которой существуют только Рай и Ад, является симптоматической, где первый символизирует «вечную жизнь», свободную от зла, а второй — «временное проклятие».

Подобная доктрина могла бы предвосхитить фундаменталистский режим: абсолютную автократию, благословленную Богом, где Суверен является образом Божиим и, следовательно, определяет «следствия» этих общих заповедей. Режим, довольно либеральный в сексуальных вопросах, но все же шовинистический, который зашел так далеко, что наказывал прелюбодейку традиционным побиванием камнями, тем самым сделав шаг назад от учения Христа, который был на стороне Марии Магдалины. Автократия, которая могла бы

создавать роскошные дворцы и грандиозные общественные сооружения, но никогда не церкви или мечети, считавшиеся совершенно бесполезными. В самом деле, неясно, были бы они снесены до основания!

Но заповеди Мансура были всё ещё слишком грубыми, и он, безусловно, усовершенствовал бы их, если бы у него было время. Тем временем его последователи клялись: «Авед, Авед»... то есть «Аминь, Аминь», да будет так...

Когда они кричали, пророк разразился экстазом: «Кто не примет эти правила, тот будет истреблён!»

Есть много признаков того, что он бывший христианин, обращающийся к бывшим мусульманам. Поэтому он использует ту же технику, что и Мухаммед: «Что говорю я, то говорит Бог; я — Его уста, не что иное, как пророк. Бог един. Иисус тоже пророк. И нет отдельной формы Бога, называемой Святым Духом!»

Прежде всего, Мансур придерживался идеи, что единый Бог всегда был тем же, что и Исаак и Иаков, Иисус и Мухаммед. Чтобы завоевать веру, Боэтти представал безмятежным, спокойным и простым во всем. Он также щедро раздавал милостыню.

Во сне он плакал и вздыхал: «Ах, Рим, Рим! Как ты теряешь своих детей! Рим, несправедливый Рим!»

Он написал письмо армянскому другу в Трабзон, в котором признался, что если бы судьба улыбнулась ему, то в Азии и Европе существовала бы только одна религия.

Однажды он сказал: «Я не из знатного рода, но чувствую, что у меня достаточно большое сердце и душа, чтобы простить врагов и сделать им добро». А в разговоре со своим европейским врачом: «В совести я совершенно спокоен! В юности я дал обеты, что ничто не заставило бы меня нарушить их, если бы не жестокость моей семьи».

«Вперед!» — кричал он своим верным полчищам, обращаясь к ним перед битвой. — «Друзья и братья, вперед! Бог направляет и защищает нас! Не причиняйте вреда ни одному невинному человеку: даже христианам! Не верьте, что христианство имеет ложные основания: они очень хороши, но почти все его служители лживы. И закон Мухаммеда ничем не отличается от христианства. Это невежество сбilo их с толку и противостояло им. Давайте теперь реформируем мусульманскую религию и вернем ее к чистоте, а затем сделаем то же самое с христианской. Есть только один Бог и один закон. Его пророков много: я — лишь один, и придут другие.

Тот, кто проповедовал «падение Ниневии», был одним, и теперь его нет. Я проповедую: Я другой! Я видел руины Ниневии: я внимательно осмотрел их, когда прибыл туда, но Ионы там уже не было! Но я увижу руины Стамбула. А Рим? Будет ли он существовать всегда? Стены, несомненно, останутся надолго, но не его несправедливость и его мнимая власть.

Мухаммад был великим человеком, но он отказался от простоты ради политики. Он говорил слишком загадочно, настолько, что его было непонятно, и его неправильно понимали друзья, враги и он сам. Настал день, братья и товарищи, когда эти тайны должны быть объяснены. Об этом человеке сложилось представление, совершенно противоположное истине. Сегодняшние мусульмане не способны рассуждать: муфтий Стамбула, шериф Мекки — невежественные люди, которые вводят людей в заблуждение. Два слепых ведут слепых: мы должны заставить их увидеть свет! Селим тоже не «просветлённый» человек: он должен оставить своё место и удалиться. Давайте будем остерегаться мирских амбиций. Давайте будем возносить свои молитвы, тайно, Всемогущему, чтобы Он соизволил сохранить Свою защиту для нас. Я больше всего на свете люблю славу Божью и уничтожение Его врагов. Мир не знает, кто я, и вполне может игнорировать это ещё долгое время. Порядок всегда необходим: я повелеваю, а вы повинуетесь!... Но я никогда не повелею ничего несправедливого!

Бог милосерден и всемогущ, и Его пророки тоже, по крайней мере, отчасти. В мире много зла: я вижу тех, кто замышляет зло против меня, и тех, кто планирует сделать это против меня. Я презираю их и накажу некоторых из них; кроме того, Бог мстителен к Своим верным, так же как и милосерден. Он знает, как спасти Своих рабов от ловушек нечестивых и трусливых. Кто думает, что может убить меня, тот должен знать, что я буду появляться в мире столько раз, сколько потребуется для славы Вечного и торжества истины.

Люди, люди! Откройте глаза!

Это великий день: солнце — всего лишь неодушевлённая звезда, но оно освещает весь мир, кроме тех, кто укрывается от его лучей. Муфтий и служители закона ничего не знают! Они лишь повторяют ошибки своих отцов! Всемогущий предназначил нас для того, чтобы мы совершили реформу огромных злоупотреблений, скрытых под каждой религией. Блаженны те, кто слушает слово Божие, проповеданное Его слугами. Бог достаточно могущественен, чтобы наказать нечестивых. Земля имела своё начало, но в вечности не будет границ. Мусульмане, верные слову Божию, избраны для славы, как и добрые христиане и добрые евреи. Разве они не люди, созданные по Его образу?

Иисус Христос был великим пророком! Мария — дева, жена и мать. Первые ученики Иисуса были праведниками. Однако Мухаммед заботился только о собственных интересах. Был только один праведник, и он находится в присутствии Всемилостивого. Все его преемники были нечестивыми людьми, которые обманывали верных. Константинополь будет разрушен. Его уничтожит гнев Всемогущего, а не оружие императоров. Что это по сравнению с гневом Божиим?

Мы должны искоренить зло в корне! Больше не будет упоминаний о Рамадане или Великом посте... Еще немного, мои друзья и братья, и вы увидите: Бог един... неделим... и Он хочет только одного способа поклонения Ему. Он — владыка всей земли и может делать все, что Ему угодно, и давать империи кому угодно. Есть только одно служение, которое должно приносить нам счастье. Вот, мои друзья, мои братья, мои

сокровища почти безграничны! У меня есть грозная армия, состоящая из самых доблестных воинов и слуг Божьих. Все наши подвиги благословлены Всемогущим. У меня огромное количество женщин, одних из самых красивых в мире.

Что ж, всё это не может сделать меня счастливым! Я использую все эти сокровища только во славу Божью и на радость ближним. Я ищу только служения Богу и внутреннего покоя. Недавние успехи, которых мы добились в Грузии, должны дать нам абсолютную уверенность в том, что грядут ещё более грандиозные. Мы должны разрушить Вавилон этого мира.

Я всего лишь орудие, которое Бог желает использовать во благо. Вы — герои и поборники, которых Бог наблюдает со своего престола: Он с вами и за вас!

Ваши имена будут записаны в вечности, и вы будете реформаторами империй этого мира и божественного поклонения. О вас будут говорить с величайшим уважением и почтением все поколения.

С вами, мои дорогие товарищи, мы победоносно пересечем всю землю! С вами ни одно дело не будет трудным! Бог видит нас! И он со всеми нами!

Я вижу, я чувствую, что пламя любви во славу Божью и твою обнимет тебя. Я знаю, что только ты способен свергнуть всё зло, которое тяготит землю. Но именно поэтому, если мы хотим сказать, что любим Бога, мы должны презирать или отвергать любого, кто преподносит нам добрые намерения.

Сколько страсти в этом размышлении!

Конечно! Сколько жара! Но какие конкретные намерения!?

Речь Мухаммеда перед бедуинами, должно быть, мало чем отличалась...

Очевидно, Джованни Баттиста Бозетти был больше вдохновлен этим «вооруженным» пророком, чем Христом. Он хотел силой навязать определенные идеи и увидеть их применение на собственном опыте. Он не был мистиком «в строгом смысле» и не верил в самопожертвование. В то же время он знал, что проявление целомудрия и презрения к материальным богатствам производит впечатление, убедительное впечатление. И он также знал, что безжалостность внушает благоговение. Поэтому, через два дня после победы над Ираклием Грузинским, когда он ехал верхом по полю боя, он встретил двух турок, все еще молившихся Богу по древнему мусульманскому обычаю, остановился, обнял их и поцеловал. Затем он сказал им, что они умрут за предательство клятвы.

Пророк Мансур собственноручно выжиг мозги одному и пронзил другого своим «кангиаром». Всё хладнокровно! И это предотвратило дальнейшее неповиновение.

Сегодня мы можем назвать его «самозванцем». Но что, если бы он победил?

История может быть благосклонна даже к самозванцам, мы это хорошо знаем! Но Боецти в этом отношении не повезло, поскольку его слава вскоре угасла, пронесаясь по небу веков, как маленький метеор.

Времена и места, благоприятные для его новой веры и его новой, пророческой универсальной цивилизации, так и не представились.

Но причиной провала его плана стали не столько грубые религиозные правила, сколько его военное «разгромное поражение».

Начало конца

Опьяненный победой над грузинами и их русскими союзниками, Аль-Мансур отдал приказ двинуться на Константинополь. Очевидно, он не считал временный союз с каким-то местным пашой пактом с Великим Султаном. Но когда до места назначения оставался всего один день пути, к нему прибыло послы князя Ираклия, предложившие размещение. У русских в регионе не было больших войск.

Мансур приветствовал грузинских послов, но ответил, что сейчас не подходящее время для переговоров. Он шел еще три дня, затем остановился на охоту, как это сделал бы персидский князь.

И посреди этого веселья он принял «капиджи-баши» (камергера «Великого турка») у Стамбульских ворот. У них состоялась долгая беседа, после чего посол покинул лагерь.

Затем пророк изменил направление и направился на юг, возможно, к Смирне, но остановился в шести днях пути от этого города. Там он принял еще одного «капиджи-баши» и «эфенди», которые принесли ему подарки значительной стоимости. Они беседовали несколько часов, но никто не может сказать, о чем именно.

Мансур не позволил своему греческому секретарю присоединиться к ним, потому что справедливо ему не доверял: на самом деле, именно он якобы сбежал из лагеря в Константинополь с прекрасной рабыней, в которую влюбился, и сундуком, содержащим дневник Боецти и драгоценные камни.

Эфенди, посланный султаном на переговоры, во время спора слишком громко заговорил, проявив неуважение к пророку. Тогда пророк приказал посадить его на кол и передал его голову «капитанам-баскам», приказав отвезти её в Стамбул и сказать Порте, что отныне он будет так же поступать со всеми послами, если его когда-либо ещё оскорбят.

«Капитаны-баски» вышли ошеломлённые этим происшествием и почти в благоговении поклонились Мансуру.

Но эта дерзость пророка совсем не понравилась Высокой Порте: лишь «императорский диван» (турецкое правительство) хотел довести переговоры до горького конца, отправив турка и двух европейцев в качестве новых посланников.

Его снова одарили щедрыми дарами, и на этот раз имперское правительство в Стамбуле получило то, чего хотело.

Следует помнить, что Мансур никогда не относился к султану как к равному и никогда не посылал ему никаких подарков; более того, он даже дошёл до того, что предоставил ему «благосклонную защиту»!

«Хроника» сообщает, что однажды Бозетти обратился к послу от самого султана: «Скажи ему, чтобы он сохранял спокойствие, был верным наблюдателем закона, не нарушал своего слова и не пытался меня предать. До тех пор я буду его добрым другом, но если нет, скажи ему, что я заставлю его пожалеть об этом».

После отъезда он снова изменил направление и вернулся в Грузию. Именно тогда он принял имя Шейх Оган Ооло, перевод которого неизвестен.

В Оффе, порту на Черном море, он получал боеприпасы и полевые пушки от турок. На его службу поступило большое количество европейских инженеров и литейщиков.

Сам Бозетти изобрел новый и удобный способ крепления полевых пушек на спинах мулов, и это принесло ему огромную пользу!

«Хроника» сообщает, что в то время он также, как говорят, получал дружеские предложения от другой иностранной державы. От какой именно? Неизвестно. Потому что он больше никому не доверял; более того, подозревая даже своего врача, он отпустил его, осыпав подарками и приказав сопровождать на персидскую территорию. Все посланники Порты получили такое же обращение: их накормили и сопроводили обратно.

В 1786 году Мансур разбил лагерь недалеко от Токата, оставаясь в деревне, не желая никого видеть, в течение семи долгих дней. Он покидал свою келью только для ночных патрулей и инспекций. Там он дважды обращался к своему народу. Он сказал, что Бог открыл ему гораздо больше, но поскольку он все еще не постиг возвышенного богословия, им придется подождать.

«Товарищи, — объявил он, — строго следуйте данным правилам. Не бойтесь будущего: Бог думает за вас. Мы всегда существуем, и наше существование никогда не закончится.

Вы поймете позже. Сейчас не время мне объяснять».

Получив известия из Стамбула, он бежал и отправился на Кавказ. Он узнал, что русские перебрасывают через этот регион большие отряды войск. Пророк не испугался их; напротив, он отправился на их поиски.

Прибыв в Грузию, он немедленно потребовал у князя Гурии шестьсот кошельков в качестве аванса за двенадцать сотен в год, которые, по его утверждению, он имел право получать в качестве «защиты».

Однако он не стал ждать ответа от грузин, поскольку узнал, что курдский «ага», правитель Беттиса, хочет напасть на него и собирает войска.

Он прибыл в провинцию незамеченным. Он устроил резню, опустошил окрестности, захватил город и деревни и взял в плен большое количество рабов.

У него в руках оказался министр «аги»; он хотел повесить его, но затем освободил благодаря заступничеству жен и дочерей министра.

После этой экспедиции Хроника обрывает текст, добавляя лишь, что 28 октября 1786 года пророк Мансур Шейх Оган Ооло, он же отец Джованни Баттиста Боэтти из Пьяццано, снова направлялся в Грузию.

«Несомненно, — говорится в заключительных предложениях Хроники, — он поймет, что Турция мало что ему даст; он, несомненно, вернется в Персию, которая долгое время пребывала в состоянии анархии, и там ему будет легче объявить себя «софистом». Это намерение несомненно, поскольку он сам сообщил об этом греческому секретарю и своему врачу.

Если он убежден, что в Стамбуле его ждут только трудности и сопротивление, ему не стоит бояться этого со стороны Персии».

Но Боэтти больше никогда не видел Персию. Стратегия дезинформации?

Характер Пророка

Перед завершением своей «Хроники» неизвестный писатель из Константинополя делает паузу, чтобы в кратких, ярких мазках описать образ жизни, обычаи, манеры и характер Мансура.

«Он спит не более пяти-шести часов в сутки, — пишет он, — потому что другая часть дня занята работой и частой разведкой.

Он ест шесть раз в день (*примечание переводчика: возможно, он страдал от язвы*), но еду ему готовит не его официальный повар, а женщина лет пятидесяти пяти.

Он ест лишь немного мяса (но много дичи), овощей и молочных продуктов. Он не пьет ни спиртного, ни вина и много курит, будучи более искусен в «персидском», чем в «турецком».

Он спит полностью одетым на диване, один.

У него много слуг, но ему прислуживают только трое пожилых мужчин.

Женщины не живут с ним, и ему служат чернокожие женщины. Он говорит им, что они вольны идти с кем угодно и выйти замуж.

Он не хочет, чтобы евнухи охраняли его гарем.

Он любит охоту и рыбалку. Он занимается стрельбой из лука и пращи. Каждый день он тренирует пять или шесть лошадей.

Его щедрость безгранична, его сердце подвижно состраданием.

Его тело неутомимо. Он обладает прекрасной и благородной внешностью, величественной осанкой, взглядом, одновременно гордым и нежным.

Он безошибочно угадывает сердца людей.

Он тщеславен в уходе за своей короткой черной бородой, которую носит заостренной. Он всегда чист и воспитан. Верный своему слову, он требует такой же верности от других.

Строгий в своих обязанностях, он не допускает никаких послаблений. Обладая непревзойденным самообладанием, он способен как на лучшее, так и на худшее, не сломив при этом свою душу.

Он обладает огромными сокровищами, но умеет бережно их хранить и умело ими делиться.

Это, конечно, не настоящий Бозэти, а лишь роль, которую он играл в тот самый момент. Его величайшим качеством, безусловно, на протяжении всей жизни была его театральность. Когда-то великий любовник, а теперь презирающий женское общество, он признается: «Я очень люблю женщин, но только за их слабость и уникальность. Другой пол везде одинаков! Я не думаю, что он сделан из чего-то другого, чем наш, но он, безусловно, странный и уникальный...» Только женский крик способен по-настоящему тронуть Аль Мансура.

Вплоть до того, что его подталкивают к освобождению заключенных, судьба которых уже предрешена!

Бозэти демонстрирует большое уважение к персидской цивилизации, даже большее, чем к туркам: Мансур одевается в персидском стиле и курит в персидском стиле!

Вполне возможно, что ему приходило в голову называться «суфием».

Когда «Хроника» заканчивается, его судьба остается неясной. Сам константинопольский автор осознает это, когда пишет: «Поэтому мы должны полагать, что он еще не знает, что ему предстоит делать... У него нет четких планов, потому что в этом случае он начал бы с того, что обосновался бы в одном месте, укрепившись в завоеванной стране.

Но, учитывая все трудности, с которыми он может столкнуться, и тот факт, что если бы он захотел удалиться в Европу со всеми своими богатствами, ни один правитель не принял бы его, мы приходим к выводу, что он, вероятно, всегда будет вести кочевой образ жизни и однажды, возможно, будет убит предателем с саблей в руке».

Итак, звезда Мансура уже заходила в 1786 году, но его конец был совсем не таким, как предсказывалось.

Разбитые мечты

Поражение,
Моё поражение.
Моё одиночество и моя замкнутость;
Ты дороже мне тысячи триумфов,
И ты слаще моему сердцу,
Чем вся слава в мире.

ГИБРАН КАХЛИЛ ГИБРАН

Безумец

Что касается периода после 28 октября 1786 года нам неизбежно придётся обратиться к другим источникам, поскольку мы больше не можем опираться на упомянутую выше «Хронику». Прежде всего, «Мемуары» графа де Сегюра, весьма авторитетного французского писателя, долгое время занимавшего пост «полномочного министра России», предоставляют нам весьма интересные данные: «Кабарды и другие народы Черкесии, объединенные под защитой Мухаммеда и под командованием фанатика Мансура, называвшего себя «пророком», массово вошли на русскую землю с энтузиазмом, удвоившим их природную храбрость» (*Op. cit., том V, стр. 152*).

Бекаттини также точен: «Бригадный генерал Апраксин, ранее укрывшийся в крепости Касгар, был направлен против Мансура.

В его распоряжении было двадцать пехотных батальонов и шестнадцать кавалерийских эскадронов: всего двадцать четыре тысячи человек, по сравнению с примерно тридцатью тысячами у Мансура» (*Op. cit., том VIII, книга XVIII, стр. 75*).

А в другом месте: «Но тем временем бригадному генералу Апраксину поступил приказ объединить все свои силы с немногими из князей Грузии и быстро выступить в погоню за грабителями, чтобы отобрать у них добычу – людей и животных. С этой целью ему прислали несколько кавалерийских подкреплений, а также десять рот казаков. Апраксин быстро двинулся выполнять свой приказ и, умело и ловко расположившись в нужных местах, смог перехватить несколько конвоев, расправившись с сопровождавшими их ордами, поджег повозки и взял в плен более двух тысяч человек, которых обменял на такое же количество русских и грузин.

Затем он послал полковника Нагеля с примерно семью тысячами элитных воинов атаковать отряд татарского ополчения под командованием самого Мансура. Достигнув реки, он был отброшен и разгромлен, несмотря на его заявленные пророческие дары, с большим количеством убитых. Это должно было убедить его в тщетности его проповедей и талисманов по сравнению с русской артиллерией». (*Бекаттини Ф., Абате, «Жизнь Катерины Русской», том IV, книга XIV, стр. 95 и далее, Турин, 1714*).

Более того, как вспоминает Потрие, в то время русские, согласно договору 1784 года, владели всем Крымом, Малой Татарией, островом Тамань и Кубанью.

С новой границей Керте русская армия находилась в двух днях пути от Стамбула и через Кубань имела доступ в Азию. Теперь Османская империя действительно оказалась в опасности, поскольку царская империя одержимо стремилась отвоевать Константинополь для христианства (*Потрие, «Экспедиция русских на Восток», Турин, 1854*).

В этом контексте произошла битва между войсками Нагеля и Мансура. Сегюр описал битву так: «Эти горцы верили в некую победу, поскольку самозванец поклялся им в этом» - клянусь Аллахом, христианская артиллерия будет греметь по нам безрезультатно.

Тем не менее, при первом же столкновении пушка, которая проявляет мало уважения к пророкам, опровергла пророчество. Погибло большое количество мусульман.

Тогда Мансур решил установить у основания каждой колонны переносной бруствер, состоящий из двух больших балок с зазорами, заполненными фашинами, и буксируемый на четырех колесах.

Черкесы, вновь соблазненные этим странным изобретением, двинулись вперед, полагая, что находятся в безопасности и идут к победе. Но вскоре, когда русская артиллерия разрушила странные укрытия, которые они подготовили, солдаты царицы прорвали черкесские колонны, рассеяли их и разгромили вдребезги.

Пророческое знамя, покрытое надписями из Корана, было захвачено, а сам пророк умер или исчез.

И действительно, Мансур уцелел, он не умер. Бесаттини хорошо это знал и добавил: «Фанатик Мансур, несмотря на преувеличения его репутации, насчитывал под своим командованием всего десять или двенадцать тысяч плохо вооруженных и еще хуже дисциплинированных смутьянов, и все же с ними он осмелился противостоять русским в новых испытаниях, но, будучи побежденным и обращенным в бегство вместе с вспомогательными войсками, собранными им в тех краях, он был вынужден искать убежище в самом сердце горных утесов Кавказа» (*там же, с. 131 и далее*).

Именно на Кавказе, предшествовавшем подвигам Шамиля, ему удалось собрать вокруг себя многочисленных черкесов и татар и долгое время господствовать, но без богатства и славы» (*см. Уорнер В., Шамиль, пророк Кавказа, с. 5, Флоренция, 1855, где, однако, Мансур ошибочно указан как уроженец Оренбурга, его путают с Пугачевым, русским разбойником, который выдавал себя за Петра III и в 1773 году устроил резню московского дворянства, освободив крестьян, но потерпел поражение в 1775 году*).

Наконец, вновь движимый мечтами о господстве, Бозетти решил расширить свои владения и укрепиться в Анапе, на Черном море.

«После получения приказа от своей государицы Екатерины II, — пишет Бекаттини, — генерал Гудович, командовавший несколькими русскими полками на Кубани и обширными территориями, прилегающие к Альпийским горам Кавказа, выдвинулся к городу Анапа, достаточно укрепленному и охраняемому хорошим замком, окруженным другими крутыми стенами и защищаемому пятнадцатью тысячами татар, которые охраняли его снаружи, при поддержке еще одного специально построенного рва.

После ожесточенного штурма крепость пала и была захвачена победителями, внезапно летящий корпус туркмен или исаврийцев, осмелившись приблизиться к этим стенам в ходе боевых действий, был разгромлен...»

Осада Анапы, безусловно, была одним из сражений новой русско-османской войны, которая закончилась Яским миром в 1792 году.

Как писал Потье: «В то время турецких последователей становилось все меньше». Население Кабарды, например, уже поработанное Россией, предоставило вспомогательные войска, и это заставило их соотечественников дезертировать из орд пророка» (*Потрье, История 1788 года, книга II, с. 149*).

Мансур, короче говоря, остался в меньшинстве, но до последнего он рассчитывал на сопротивление Анапы. Только когда он увидел, что осада идет против него, он решил использовать «летучую колонну», которой он сам командовал и которая состояла из преданных ему фанатиков!

И именно по этой причине он был взят в плен: «Упомянутый выше пророк Азии, шейх Мансур, был взят в плен в этом заговоре, — вспоминает Бекаттини, — вместе с большим количеством последователей». В 1786 и 1787 годах, ложно предсказав конец Российской империи, он первым разжег вражду между Портой и двором Санкт-Петербурга. Он сопротивлялся, защищался как лев, но был доставлен живым к императору, который, найдя его скорее безумным, чем разумным, приказал содержать его в бережном и хорошем состоянии, без каких-либо лишений ».

Потрие утверждал, что пророк получил от царицы «жизнь, богатство и покой на последние годы» (*Op. cit., книга XV, с. 2*).

Первой теории также придерживается Пикко, который говорит о последнем уединении в монастыре, а точнее: «в монастыре католических армян в Соловецке, на Черном море».

Это, по сути, уже утверждали Дамонте (*Op. cit., с. 152*) и Оттино (*Op. cit., с. 338*), опираясь на Вернера. Однако Вернер ошибался, потому что рассматриваемый монастырь не только был православным, а не католическим, но и, в действительности, располагался не на Черном, а на Белом море, недалеко от Полярного круга.

Место духовного уединения, но и могучее укрепление, окруженное прочными галечными стенами и усеянное башнями. И мы точно знаем, что в этом монастыре была настоящая тюрьма.

На Западе, конечно, нет книг на эту тему, но, к счастью, русские писатели не поскупились на ее обсуждение.

В 1982 году, когда еще существовал Союз Советских Социалистических Республик, в Москве был издан интересный том, из которого легко найти содержательные иллюстрации (*СКОПИН В. В., ЩЕННИКОВА Л. А., Архитектурно художественный ансамбль Соловецкого Монастыря, Москва, 1982*).

На одной из них даже изображена тюрьма, в которой, должно быть, содержался монферратский авантюрист. Это рисунок датируется XVIII веком: в течение следующего столетия здание было структурно изменено.

На двух других видах монастырь изображен с двух основных сторон: со стороны Белого моря и со стороны Средиземного моря.

На Святом озере. Рисунки датируются 1790 годом, то есть незадолго до прибытия Боэтти.

Усилия царей по украшению этого монументального сакрального и военного комплекса, настоящего «монастыря-крепости», в том столетии значительно возросли, хотя первая церковь была построена несколько сотен лет назад.

Огромная барочная колокольня датируется 1770 годом, а церковь митрополита Филиппа — 1798 годом: прибыв в Соловецк, Боэтти обнаружил огромную строительную площадку. Именно оттуда, по словам Дамонте (*DAMONTE, op. cit., pp. 9 and 152*), он написал свое последнее письмо семье 15 сентября 1798 года.

Приходской священник Пьяццано, видевший это старинное письмо, утверждал, что в нем Джованни Баттиста Боэтти просил «прощения у своих родителей, братьев и сестер за причиненные им страдания и горячо просил их молиться за него, поскольку приближалась смерть». Точная дата смерти нашего авантюриста нам неизвестна, но мы знаем, что это произошло либо в конце 1798 года, либо в начале 1799 года. Это были беспокойные годы в Европе и во всем мире.

Сыны Ветра

Но были ли последователи Аль-Мансура всего лишь толпой фанатиков или чем-то большим?

Чтобы понять это, мы должны обратить внимание на те части повествований, которые касаются мест вербовки этих войск.

Поначалу Джованни Баттиста Боэтти, кажется, легко обращал в свою веру курдов, горный народ, не имевший собственной государственной организации, поскольку оказался между турецкой и персидской империями.

С помощью курдов Аль-Мансур заставит Турцию дрожать...

Однако в какой-то момент цели верующих и их лидера, должно быть, разошлись. Боэтти стремился к чему-то большему, чем создание государства для разрозненного курдского народа (все еще находящегося в вечном

конфликте с турками и арабами). Многие, столкнувшись с первыми реальными трудностями, несомненно, были вынуждены покинуть его. А когда он напал на Грузию, он понял, что даже эти народы, к тому же христианские, не смогут предоставить ему лучших солдат.

Затем он двинулся на север, к предкавказским землям, орошаемым реками Кубань и Терек. Эти земли были населены независимыми татарскими ордами, но находились под постоянным военным давлением России.

Также к северу от Кубани, в 1775 году, генерал Потемкин уничтожил Запорожскую казачью орду, и многие повстанцы нашли убежище на самой Кубани.

Но кто были эти казаки? Это было смешанное население татар и славян, которые, как таковые, полностью переняли восточные обычаи. Основой организации была «орда»: коллектив, вечно марширующий по бескрайним степям. Ею командовали атаманы, но господствовала племенная демократия. Собрания направляли выбор атамана и избирали его. Многие славяне, входившие в эти племена, были беженцами из русских земель: людьми, которые негодовали по поводу феодального режима и предпочитали свободу татарского мира подчинению крупным русским помещикам.

Человеческое кровоизлияние длилось сотни лет, и русское государство, в какой-то момент почувствовав себя достаточно сильным, решило больше не терпеть его.

Империя также надеялась привлечь на свою сторону казаков, почитаемых за их военное мастерство, и завоевать весь Кавказский регион.

Таким образом, после разгрома Юго-Восточной Церкви Потемкин стремился привлечь сапорогов и в 1776 году сумел включить два казачьих кавалерийских полка в состав регулярных русских войск.

Затем, когда в 1787 году началась Вторая турецкая война, он обратился ко всем бывшим казакам, и откликнулось двенадцать тысяч человек, таким образом был сформирован «Лагерь верных казаков», который в 1788 году стал «Армией черноморских казаков».

Но в то же время многие бежали за Кубань, в земли черкесов, и через Терек, в Кабарду. Именно здесь Аль-Мансур со своими по-прежнему преимущественно курдскими войсками легко нашел поддержку как среди старого населения, так и среди новоприбывших.

Все они хотели избежать русской угрозы и создать силу, способную остановить царскую экспансию. Более того, они жаждали захватить грузин, своих вечных врагов, а теперь и союзников русских.

Но эти народы даже не пользовались особой популярностью у турок, хотя те давно их исламизировали. Если и существовал какой-либо союз, то он, должно быть, считался исключительно временным и направленным на сохранение русской независимости. В конце концов, именно турки признали полное русское господство на Кубани с 1784 года.

Прибытие Аль-Мансура многие истолковали как «знамение свыше».

Но даже после поражения пьемонтского лидера завоевание Кавказа не было легкой прогулкой для русских.

Кавказская область к северу от реки Кубань прочно находилась в руках русских с 1792 года, и Екатеринодар стал её столицей.

Черкесия пала только в 1793 году. А также Осетия, Гурия и Самсха-Сатабаго. Абхазия, Мингрелия и Имерети стали российскими в 1825 году, как и Дагестан, Ширван и Нагорный Карабах.

Сванети, горный регион Грузии, пал в 1855 году, как и Армения.

Сердце Грузии, со столицей Тбилиси, было окончательно оккупировано еще в 1801 году.

Вот такая история... и такой умный человек, как Боэтти, вполне мог бы догадаться об этом в предыдущем столетии, если бы не был тем неисправимым мечтателем, которого мы знаем!

Еще одно приключение?

Среди немногих авторов, писавших о жизни Джован Баттисты Боэтти, только Оттино (Op. cit., p. 338), с должными оговорками, приписал ему еще одно приключение. По преданию, это произошло с ним в 1797 году при багдадском дворе, где внезапно появилась таинственная фигура с чертами, похожими на черты нашего путешественника.

Но давайте посмотрим, как это описал Шевалье Оливье, лично видевший этого самозванца: «Было объявлено о скором прибытии Мортезы-Кули-Хана в Багдад. Он, как мы уже отмечали, укрылся в России, чтобы не попасть в руки своего брата Мехмета. Он написал из Керкука «баше» Багдада, умоляя предоставить ему убежище, пока он не помирится со своим братом и не восстановит все свои права.

В письме он писал, что решил подвергнуть себя тысяче опасностей, перейдя через многие земли, лезгские земли и Армению, лишь бы не оставаться среди неверных. Лишенный всего и имея при себе только двух рабов, он утверждал, что был ограблен курдами: все его последователи были убиты или рассеяны.

К счастью, позже он встретил старого слугу своего отца, который предоставил ему одежду, трех лошадей и средства для путешествия в Турцию».

"Баша", приказав обеспечить этому чужестранцу почетный караул и всю необходимую помощь для достижения Багдада, не скрыл от него, что, поскольку он был в хороших отношениях с персидским царем, он не сможет отказать ему в выдаче, если тот этого потребует; и он немедленно отправил татарина в Персию, чтобы предупредить Мехмета о происходящем. Так называемый Мортеза согласился со всеми условиями,

выдвинутыми "башой" относительно его приема в своей провинции, и незамедлительно отправился в Багдад, куда прибыл 4 марта 1797 года.

"Баша" приветствовал его со всеми почестями, подобающими брату монарха. Он подарил ему несколько ценных лошадей, меховую шубу, прислал великолепную одежду и значительную сумму денег, разместил его у масрафа эфенди, одного из своих главных чиновников, и допустил его к своей аудиенции со всеми почестями, принятыми в этих странах.

Прошло несколько дней, и никто не сомневался в этом. Он не считался иностранцем или человеком, стремящимся причинить ему вред. Однако некоторым не нравилось видеть, как он принимает высокомерный и презрительный тон, совершенно недостойный человека, известного лишь как сын провинциального губернатора и брат узурпатора, попавшего в немилость, и человека, живущего за счет «баши» и, как предполагалось, имеющего тайный план свергнуть Мехмета и занять его место.

Но такое поведение критиковали, потому что положение Мортезы должно было побудить его всеми средствами завоевать доверие багдадских лордов: именно это должно было развеять подозрения.

Следовательно, «баша» не мог предположить, что была предпринята попытка обмануть его, и чужеземец мог бы действовать в своем истинном обличье до возвращения посланного в Персию гонца, если бы не неприятность, разоблачившая его раньше. Али-Ага, зять Сулеймана и кияйя, был раздражен тем, что Мортеза, проявляя к нему такое же отношение, формально отказался навестить его под предлогом, что такой человек должен посещать только «башу», Али-Ага заявил, что считает себя чем-то большим, чем просто странствующим и нищим персом. Он планировал сам опорочить его в глазах «баши», посеяв сомнения в его первородстве. Затем он смело заявил, не имея доказательств, что чужеземец — самозванец, и что его следует отправить в Персию под усиленной охраной, чтобы Мехмет мог его наказать.

Что касается перса, то расследование подтвердило смелые заявления Али-Аги и привело к открытию, что Мортеза был не кем иным, как сапожником из Амадана, отсутствовавшим в этом городе пять или шесть лет.

Затем «киаджа» легко собрал всех персов в Багдаде, чтобы проверить, говорит ли чужеземец правду или он авантюрист.

Все, кто лично знал Мортезу, пришли к нему, и никто не поклялся ему. Его опознали: действительно, несколько персов, уроженцев Амадана, ответили, что видели его работающим сапожником.

Установив это, «баша» приказал заковать его в цепи и отвести к янычару Аге. В то же время он послал второго гонца к Мехмету. Мы видели этого человека. У него была красивая голова, яркая внешность и выразительный взгляд. Ему, вероятно, было около сорока пяти лет.

Можно было бы сказать, что он получил очень хорошее образование; он был умён и обладал большими знаниями, чем позволяла его профессия. Хотя он был обременён кандалами и близок к осуждению за

самозванство, он был настолько откровенен в своих утверждениях и настолько высокомерен в своих манерах и ответах, что было трудно поверить, что он простой сапожник. Во время визита к янычару Аге последний подумал, что наносит своему заключённому непоправимый удар. Он приказал привести его к себе, и когда так называемый Мортеза предстал перед нами, янычар сказал ему по-турецки (язык, хорошо известный персу): «Поскольку вы провели несколько лет среди русских, вы, должно быть, научились говорить так, как говорят они. Вот два врача из той страны; расскажите им, как вы покинули Астрахань и отправились в Багдад».

Перс же молчал, и мы обратились к нему по-французски. Затем он презрительно посмотрел на нас, повернулся к янычару и сказал: «Можете ли вы представить себе мусульманина, изучающего язык неверных? Да, я долго жил среди них, спасаясь от кинжала врага, но мое сердце было в Персии, а душа — с Али и Мухаммедом. Скажите этим неверным, что даже если бы я знал их язык, я бы не стал обращаться к ним, не стал бы удостаивать их вопросами; это даже слишком, если бы я опустил до разговора с вами».

Сулейман не хотел наказывать человека, с которым он, даже на мгновение, обращался с уважением, ограничившись приказом немедленно покинуть Багдад и отправиться в Персию.

(Оливер Г. А. Путешествие в Персию, переведено с французского для «Кавалера Борги», стр. 30 и далее, Милан, 1816).

Прекрасная история, безусловно, но здесь она приводится только потому, что кто-то рассказал её Бозетти, и уж точно не потому, что она действительно принадлежит ему.

Действительно, сходство в описании персонажа значительно, как по возрасту, так и по физической силе, обаянию и культуре.

Но это всё: Бозетти никогда не работал сапожником в Амадане.

Более того, чтобы приписать это приключение бывшему пьемонтскому монаху, нужно было бы поверить, что царица действительно освободила его, и только потом он по собственной воле поступил в монастырь в Соловецке: невероятный сценарий, мягко говоря... даже если он умел выходить далеко за рамки «обычного»!

И тогда ответ, данный янычару, кажется, соответствует образу искреннего мусульманина: в самом деле, ни один верующий в Аллаха никогда не опустил бы до изучения языка неверующих.

Так было и в Стамбуле до прошлого века, когда переводы всё ещё делались на греческом и иврите, потомках тех, кто бежал из Испании после 1498 года.

Но также верно и то, что Бозетти знал мусульман лучше, чем любой из них...

Эпилог

Мы согласны с Д'Анконой, который утверждает, что времена, в которые жил Бозетти, были богаты приключениями и авантюристами.

Генрих Гейне рассказывает нам о своем двоюродном деду, Симоне де Гельдерне, известном как «Восточный» из-за своих путешествий и приключений в мусульманских странах.

Паломник в Иерусалим, в экстазе молитвы он увидел видение на горе Мориа; позже он был шейхом независимого бедуинского племени, жившего грабежом и резней. Поэтому у него были связи с влиятельными людьми и интриги с знатными дамами, пока, постигнутый несчастьем, он не спасся, отказавшись от всего своего богатства и найдя убежище в Англии.

Для Гейне этот двоюродный дед был загадочным, и лишь позже стало понятно, что он легко вписывался в панораму «странных существ», которыми изобилует XVIII век.

Только в ту эпоху еще могло быть место для «полуфанатика, пропагандиста» «утопии мирового счастья»; «полурыцаря удачи, черпающий из одной лишь личной энергии смелость прорваться и перепрыгнуть через препятствия, поставленные на его пути холодным и разлагающимся обществом» (ГЕЙНЕ Г. *Посмертные мемуары*, с. 127 и далее, Флоренция, 1884).

А Аль-Мансур, шейх Оган Ооло, закрыл бы глаза в тюрьме, как Калиостро в папских тюрьмах, как Казанова в Дуксе... Мог ли он иметь другой конец, отличный от их?

Нам, современным, Бозетти также напоминает о великом авантюристе (много лет спустя) англичанине Лоуренсе Аравийском. Как и он, подданный короля Сардинии умрет с одним-единственным образом в глазах: огненные восходы и закаты над пустыней, верхом на лошади, среди своих верных, с развевающимися флагами.

Все этапы путешествия, длившегося всю жизнь.

- ПЬЯЦЦАНО
- КАЗАЛЕ
- ПЬЯЦЦАНО
- ТУРИН
- МИЛАН
- ПРАГА
- РЕГЕНБУРГ
- СТРАСБУРГ
- БОЛОНЬЯ

- ПЬЯЦЦАНО
- ГЕНУЯ
- ЧИВИТАВЕККЪЯ
- РИМ
- ЛОРЕТО
- ПЕСАРО
- РАВЕННА
- ФЕРРАРА
- ВЕНЕЦИЯ
- ЛАРНАКА, КИПР
- ЛАТАКИЯ, СИРИЯ
- АЛЕППО, СИРИЯ
- БИРЕДЖИК НА ЕВФРАТЕ, ТУРЦИЯ
- АНТАБ
- УРФА, ТУРЦИЯ
- ГАРМУСА
- МАРДИН, ТУРЦИЯ
- МОСУЛ, ИРАК
- АМАДИЯ В КНЯЖЕСТВЕ ЗАХО В КУРДИСТАНЕ
- АЛЕКСАНДРЕТТА (ИСКЕНДЕРУН), ТУРЦИЯ
- МАРСЕЛЬ
- ЛИВОРНО
- ФЛОРЕНЦИЯ
- ПЬЯЦЦАНО
- ГЕНУЯ
- МАРСЕЛЬ
- АЛЕССАНДРЕТТА
- АЛЕППО
- УРФА
- МАРДИН
- ДИЯРБАКЫР, ТУРЦИЯ
- СТАМБУЛ
- ТРАБЗОН
- КОРОЛЕВСТВО ГРУЗИЯ
- ЕРЕВАН

- ПЕРСИДСКАЯ ИМПЕРИЯ
- РЕГИОН КАРАЧЧОЛАН
- БАСРА
- АРАБСКАЯ ПУСТЫНЯ
- ДАМАСК
- СМИРНА, ТУРЦИЯ
- МИКОНИ
- ЛИВОРНО
- РИМ
- НЕАПОЛЬ
- РИМ
- ТРИЕСТ
- ВЕНА
- ТРИНО ВЕРСЕЛЕЗЕ
- ХОРОШИЙ
- АЛЬКАНТЕ
- КАДИС
- КОРОЛЕВСТВО АНГЛИЯ
- ГАМБУРГ
- САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
- МОСКВА
- КАЗАНЬ
- АСТРАХАНЬ
- ПЕРСИДСКАЯ ИМПЕРИЯ
- КОРОЛЕВСТВО ГРУЗИЯ
- КРЫМ
- КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬША
- КОКСИМ (СТАМБУЛ)
- СТАМБУЛ
- ЭРЗЕРУМ
- АМАДАН (рядом)
- ТРАБЗОН
- ГУМУС-ХАНА В АРМЕНИИ
- АМАДАН (рядом)
- АКЕШАН В ТУРЦИИ (АИСКА)

- КОРОЛЕВСТВО ГРУЗИЯ
- РЕГИОНЫ ЧЕРКЕСИИ И КАБАРДЫ
- ТИФЛИС (ТБИЛИСИ)
- АКЕСКА
- НАХИЧЕВАН (НАХИЧЕВАН)
- ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТУРЦИИ
- И ШЕСТИДНЕВНЫЙ МАРШ ИЗ СМИРНЫ
- ?
- ТОКАТ, ТУРЦИЯ
- КОРОЛЕВСТВО ГРУЗИЯ
- ЧЕРКЕСИЯ
- АНАПА
- МОСКВА / СОЛОВЕЦК НА БЕЛОМ МОРЕ

